

**Александр Иванович Молок**  
**Военная организация Парижской Коммуны**  
**и делегат Россель**

**Историк-марксист, 1928, том 7. С.117-157**

**Веб-публикация: Vive Liberta, 2011**

**к 140-летию парижской коммуны**

**[http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio\\_1.htm](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm)**

**В конце файла нами даны ссылки на тематические материалы, включая некоторые упоминаемые в статье книги (Л.Дюбрейля, Ж.Буржена и др.)**

Настоящий очерк (основанный на материалах Ленинградской публичной библиотеки и отчасти Института Маркса и Энгельса) посвящен анализу того, как ставились пролетарской революцией 1871 года вопросы организации и строительства военных сил и военного аппарата, но рассматривает постановку этих вопросов не в целом, а лишь в одном разрезе: постольку, поскольку они связаны с личностью крупнейшего военного специалиста, которым располагала Коммуна, Росселя, и его деятельностью на посту ответственного руководителя обороны революционного Парижа—на посту военного делегата (30/IV—9/V). Представляя собою главу из военной истории Коммуны (еще очень мало изученной), предлагаемое исследование является прежде всего и по преимуществу исследованием военно-политическим и сознательно оставляет в стороне вопросы военно-технические и военно-оперативные, как лежащие вне задачи и компетенции автора.

**I**

30 апреля военный делегат Коммуны Кюзере,—недовольство пассивно-оборонительной тактикой которого успело пустить достаточно глубокие корни в правительстве и в общественном мнении революционного Парижа и особенно обострилось в связи с обнаружившимся к этому времени решительным переломом на фронте в благоприятную для версальцев сторону, как и неудовлетворительным состоянием военного аппарата революции,—был

---

<sup>1</sup> Луи-Натаниэль Россель (1844—1871)—кадровый офицер (инженерный полковник) с высшим военным образованием, автор ряда печатных трудов по военной теории и истории, участник войны 1870/71 г.—прикнул к революции 18 марта из патристических побуждений (из ненависти к «генералам-капитулянтам» и в надежде на то, что победоносная революция разорвет унижительный мирный договор, возобновит войну с немцами и приведет к реваншу французского оружия). Последовательно исполнял обязанности начальника XVII легиона национальной гвардии (22/III—2/IV), начальника главного штаба (3—30/IV) и председателя военного трибунала (16—24/IV), наконец—военного делегата (30/IV—9/V). После разгрома Коммуны был по приговору военного суда расстрелян (28/XI—1871).

арестован и препровожден в тюрьму<sup>1</sup>. В тот же день, по постановлению Исполнительной комиссии, «временно исполняющим обязанности военного делегата» был назначен начальник главного штаба Россель, который тотчас же заявил о своем согласии<sup>2</sup> и немедленно же вступил в исполнение своих новых обязанностей<sup>3</sup>. Действия Исполнительной комиссии были в тот же вечер одобрены Коммуной, большинством голосов санкционировавшей арест Кюзере и замену его Росселем<sup>4</sup>.

Революционный Париж, узнавший обо всем этом на следующий день<sup>5</sup>, встретил смену военного делегата с полным удовлетворением. По словам газеты «Коммуна», известие об аресте Кюзере вызвало в пролетарских округах города (на Монмартре, в Батиньоле) всеобщий «вздых облегчения» и восклицание: «Еще одним камнем меньше на пути к победе!»<sup>6</sup>. Сводка информационного бюро при военном министерстве, отмечавшая 1 мая выжидательное настроение в «народных кварталах», уже на следующий день сообщала, что массы крайне возбуждены последними событиями и называют бывшего военного делегата не иначе, как вторым Трошю<sup>7</sup>. Центральный комитет национальной гвардии—в лице своей «комиссии обороны»—в письме к Росселю от 1 мая приветствовал его назначение на пост военного делегата как гарантию того, что «отныне оборона Парижа будет вестись с той энергией, которой ей недоставало до сих пор, и что все средства будут использованы»<sup>8</sup>.

Иначе отнеслись к смене военных руководителей Парижа в Версале. По словам версальского корреспондента «*Indépendance Belge*», назначение полковника Росселя временным делегатом по военным делам на место генерала Кюзере пришлось очень не по вкусу в высших версальских правительственных сферах... Россель отличается большой энергией и человек с замечательными способностями; к тому же, он честолюбив и предприимчив... Россель—это такой противник, которого следует бояться»<sup>9</sup>.

---

<sup>1</sup> Кюзере был арестован по своем возвращении с южного фронта (после того как ему удалось вновь завладеть эвакуированным было федератами в ночь на 30/IV фортом Исси).

<sup>2</sup> «Я принимаю на себя эти тяжелые обязанности, но мне необходимо самое полное, самое безусловное содействие с вашей стороны, дабы не пасть под бременем обстоятельств»,—писал он при этом членам Исп. комиссии («*Journal officiel*», 1/V—1871).

<sup>3</sup> «*Mém. du général Cluseret*», (Paris 1887), II, 106.

<sup>4</sup> В. М а л о н. «*La troisième défaite du prolétariat français*» (Neuchatel 1871), p.p. 290—291.—Подробности о том, как состоялось замещение Кюзере Росселем, можно найти в «*Mémoires du gén. Cluseret*» (t. II) «*Mémoires et correspondance de Louis Rossel* (chapitre IX)», «*Journal officiel*» (Коммуны) от 22 и 23 мая 1871 г. (отчет о заседании 21/V).

<sup>5</sup> «*Journal officiel*» (Коммуны), 1 мая 1871 г. А. Молок. «Парижская Коммуна в документах и материалах» (Ленгиз, 1925), стр. 416.

<sup>6</sup> «*La Commune*», 3/V—1871 г.

<sup>7</sup> Dauban. «*Le Fond de la société sous la Commune*» (Paris 1873), p.p. 193, 198.

<sup>8</sup> Ibidem, p. 191.—Центральный артиллерийский комитет, в лице двух своих членов, также поздравлял Коммуну с отставкой Кюзере, «актом столь же решительным, сколь и патриотическим» («*Le Vengeur*», 2/V—1871).

<sup>9</sup> Цитирую по «Санкт-Петербургским Ведомостям», 1871 г., № 115.

Если верить донесениям агентов информационного бюро, первые же шаги Росселя в качестве военного делегата <sup>1</sup> были встречены с полным одобрением в рабочих кварталах Парижа <sup>2</sup>.

«Новый делегат, говорят, стоит на верном пути; пусть он с него не сворачивает: этот путь ведет к победе»: «... вот малый, который не ударит лицом в грязь,—говорят про него почти на каждом шагу» <sup>3</sup>. Таково же было мнение революционной прессы.

Одной из первых забот Росселя как военного делегата была забота о внутреннем укреплении Парижа на случай уличных боев. Приказом от 30 апреля <sup>4</sup> во главе дела постройки баррикад внутри городской черты ставился популярный в предместьях сапожник-коммунист Гайяр-старший (Gaillard-père) <sup>5</sup>, который должен был подобрать инженеров и, под общим руководством военного делегата, соорудить «вторую линию укреплений» и «три замкнутые крепости, или цитадели—в Трокадеро, на высотах Монмартра и у Пантеона». Считая, что реализация этого проекта причинила бы в майские дни серьезные затруднения версальцам, бланкист Да-Коста вынужден, однако, признать, что сапожник Гайяр совершенно не годился на роль импровизированного руководителя военно-инженерных работ и высказывает предположение, что Россель поручил ему этот ответственный пост исключительно из-за популярности, которою пользовался Гайяр <sup>6</sup>. С другой стороны, несомненно, что Россель—подобно Кюзере и большинству кадровых офицеров Коммуны, пропитанных предрассудками казармы—недооценивал значения баррикадных боев и в глубине души презирал этот плебейский способ войны <sup>7</sup>. Как бы там ни было, Гайяр, повидимому, с энтузиазмом взялся за дело <sup>8</sup>, но результаты его деятельности были столь незначительны <sup>9</sup>, что уже 15 мая Делеклюз вынудил его подать в отставку, после чего дело постройки баррикад было возложено на начальника военно-инженерного управления <sup>10</sup>.

Затем Россель обращает внимание на «вопиющие злоупотребления» <sup>11</sup> с выдачей жалованья и пайка национальным гвардейцам <sup>12</sup>; чтобы

<sup>1</sup> См. Bourelly «Le Ministère de la Guerre sous la Commune» (Paris s. a.), p. p. 102—104.

<sup>2</sup> Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 204.

<sup>3</sup> Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 203.

<sup>4</sup> «Journal officiel», 1/V—1871.—5 мая муниципалитетам было предложено оказывать всемерное содействие Гайяру («Murailles Politiques Françaises», II, 423).

<sup>5</sup> Он принимал участие в работах организованной при Кюзере (под председательством Росселя) «баррикадной комиссии».

<sup>6</sup> Da Costa. «La Commune vécue» (Paris, 1904), II, p. p. 176—178.

<sup>7</sup> А. Арну. «Народная история Парижской Коммуны». Пгр. 1919; стр. 180, 200—201.

<sup>8</sup> Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 164 (письмо Гайяра—Росселю). «La Sociale», 12/V—1871 (открытое письмо Гайяра).

<sup>9</sup> Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 179.

<sup>10</sup> «Journal officiel», 16/V—1871.

<sup>11</sup> Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p.p. 224—228 (письмо «старого республиканца» К-ту Общ. Спас. от 6/V).

<sup>12</sup> «...В начале мая требовательные ведомости составлялись на 162 250 рядовых и 6 507 офицеров, а между тем фактически в распоряжении военного ведомства име-

облегчить бюджет Коммуны от непомерных расходов, он принимает ряд мер: созывает 1 мая военный совет при участии членов Исполнительной комиссии, Военной комиссии и высших офицеров. Здесь, намечаются две радикальные реформы: во-первых, уменьшение жалования национальным гвардейцам <sup>1</sup> до обычной в армии ставки с небольшой надбавкой; во-вторых, создание особого контрольно-распределительного аппарата. Обе реформы остались на бумаге: вечером этого дня Исполнительная комиссия лишилась власти (ее заменил Комитет общественного спасения) <sup>2</sup>, а Центральный комитет, к которому через несколько дней перешло это дело <sup>3</sup>, не двинул его вперед ни на шаг <sup>4</sup>.

Что касается интендантства, представлявшего собой, по выражению делегата по продовольствию Виара, «настоящий хаос», то упраздненное <sup>5</sup> приказом Клюре от 28 апреля оно было восстановлено 1 мая <sup>6</sup> и вновь упразднено 2-го <sup>7</sup>, при чем назначенный «главным директором хлебопекарен и военных снабжений» интернационалист Варлен категорически воспретил «всякие произвольные реквизиции у поставщиков военного обмундирования и снаряжения» <sup>8</sup>. Одновременно Военная комиссия Коммуны повела решительную борьбу со спекуляцией национальными гвардейцами казенным обмундированием <sup>9</sup>, принявшей—благодаря хищениям и беспорядочным выдачам последнего—довольно широкие размеры.

2 мая Коммуна подвергла подробному рассмотрению внесенный военным делегатом проект декрета о создании в каждом округе участковых подкомиссий или «с у б - д е л е г а ц и й» (*sous-délégations*), которые должны были назначаться окружным муниципалитетом и вестись учетом военнообязанного населения, выдачей удостоверений личности, преследованием дезертиров, регистрацией лошадей и пустующих помещений, реквизицией скрытых запасов оружия и боевых припасов. Проект Росселя представлял, по сути дела, дополнение к приказу Клюзере от 26 апреля, учреждавшему в округах так называемые «военные бюро» (*bureaux militaires*) из семи членов по назначению местных муниципалитетов, но имел перед ним то крупное преимущество, что

---

лось не более 30 тысяч боеспособных гвардейцев» (Н. Лукин. «Парижская Коммуна 1871 г.»; изд. 2-е, стр. 386).

<sup>1</sup> В то время как Россель говорил об уменьшении жалования национальным гвардейцам, общественное мнение революционного Парижа—насколько можно судить об этом по имеющимся у нас отрывочным данным—настаивало на его увеличении, как необходимым условием усиления военной мощи Коммуны (См. О. Вайнштейн. «Парижская Коммуна и Французский Банк». «Историк-Марксист», 1926, том I, стр. 40).

<sup>2</sup> «Mém. et corresp. de L. Rosset», p.p. 314—315.

<sup>3</sup> Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 126.

<sup>4</sup> Лишь в самые последние дни Коммуны при делегации финансов был учрежден особый контрольно-следственный аппарат для борьбы с этим злом. («Journal officiel», 18—22/V—1871 г.).

<sup>5</sup> «Procès-Verbaux de la Commune de 1871» (Paris 1924); t. I, p. 443

<sup>6</sup> Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 112.

<sup>7</sup> «Journal officiel», 4/V. А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 419.

<sup>8</sup> «Journal officiel», 7/V—1871 г. А. Молок. «П. К. в док. и мат.», стр. 427.—Ср. «L'Estafette» от 5/V (ст. «Intendance militaire»).

<sup>9</sup> «Journal officiel», 4 и 5/V—1871.

разбивал город не на округа, а на гораздо более мелкие единицы—кварталы и тем значительно облегчал, как учет живой силы и материальных ресурсов, так и надзор за выполнением на местах декретов революционного правительства. После долгого обсуждения Коммуна отвергла этот проект из опасения, как бы новое учреждение, вместо необходимой централизации, не усилило параллелизма и многовластия, царивших в окружной администрации. Решено было ограничиться циркуляром, в котором округам напоминалось бы о необходимости неуклонного исполнения декрета о «военных бюро»<sup>1</sup>.

Немало усилий было положено Росселем на борьбу с хаосом, царившим в артиллерийском ведомстве. Приказом военного делегата от 30 апреля<sup>2</sup> всем багареям как конным, так и пешим, за исключением тех из них, которые находились в этот момент на театре военных действий, предписывалось собраться 1 мая к 12 часам дня во дворе Военной школы (где предполагалось, повидимому, устроить им смотр и взять их на учет); несмотря на угрозу исключения неявившихся из платежных ведомостей, этот приказ не достиг, повидимому, цели<sup>3</sup>.

В тот же день (30 апреля) двое членов Центрального артиллерийского комитета были, по приказанию военного министерства, арестованы в Ванве за саботаж, а самый Комитет—объявлен распущенным<sup>4</sup>. В течение следующих дней «заведующим материальной частью артиллерии», членом Военной комиссии интернационалистом Авриалем был издан ряд распоряжений, имевших в виду упорядочить дело производства, учета и распределения пушек, оружия и снарядов<sup>5</sup>.

С большой энергией отдается Россель делу организации кавалерийских частей, без которых нечего было и думать о выполнении задуманного им плана перехода в наступление. 3 мая он извещает делегата финансов Журда о том, что закупил у немцев 1.000 лошадей на сумму 40 тысяч франков<sup>6</sup>. 4-го он воспрещает вывоз лошадей из Парижа даже на аванпосты, под угрозой штрафа в размере тройной стоимости лошади; запрещение не распространялось только на офицеров главного штаба, курьеров, везущих военные приказы и транспорты с естных и боевых припасов,—при условии, если они снабжены особыми пропусками от военного министерства<sup>7</sup>.

7-го генерал Врублевский получает инструкции по формированию отряда вооруженных пиками кавалеристов<sup>8</sup>. 9-го «по предложению военного делегата», Комитет общественного спасения объявляет о реквизиции всех верхо-

---

<sup>1</sup> «Journal officiel», 4/V—1871 г.

<sup>2</sup> «Journal officiel» 2/V—1871 г.

<sup>3</sup> По крайней мере, 12 мая Делеклюзом был подписан аналогичный приказ («Journal officiel», 13/V).

<sup>4</sup> Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 104.—Он продолжал, однако, существовать и вести борьбу с Росселем, которому пришлось 1 мая арестовать еще четырех его членов: см. «La Commune» от 11/V—1871 г. и «Le Vengeur» от 16/V—1871 г. (письмо Центр. арт. к-та—К-ту общ. спас.).

<sup>5</sup> «Journal officiel», 3, 6 и 7 мая 1871 г.

<sup>6</sup> Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 204

<sup>7</sup> «Journal officiel», 5/V—1871 г.

<sup>8</sup> Bourelly. «Le Ministère de la Guerre», p. 118.

вых лошадей—в Париже и на всей территории Коммуны—«для надобностей кавалерии»<sup>1</sup>. В какой мере осуществились все эти мероприятия и насколько возросла при Росселе численность кавалерии Коммуны, насчитывавшей к моменту отставки Ключере всего три эскадрона,—нам неизвестно.

Одним из самых слабых—как в количественном, так и в качественном отношении—мест военной организации Коммуны был, как известно, командный состав<sup>2</sup>. Еще Ключере принял ряд мер к качественному улучшению офицерского корпуса, поведя решительную борьбу с текучестью командного состава, ношением офицерами неприсвоенной формы, крайностями выборного начала. Россель пошел по тому же пути. 1 мая всем штабным офицерам (за исключением тех из них, которые обязаны своим чином не производству, а выборам) предписывалось, имея при себе соответствующие документы, немедленно явиться в военное министерство, чтобы, после предварительного испытания, получить то или иное назначение; ослушники объявлялись незаконными носителями офицерского звания<sup>3</sup>. 4-го при военном министерстве учреждается—под председательством члена Центрального комитета и Военной комиссии Коммуны Арнольда—постоянная квалификационная комиссия (*jury d'examen*) для лиц командного состава. В соответствующем объявлении от военного министерства говорилось, что отбор будет производиться на основании «интеллектуального развития, а также нравственной и политической физиономии кандидатов»<sup>4</sup>. 9 мая был опубликован приказ Военной комиссии о ношении офицерами соответствующих их чину знаков отличия<sup>5</sup>.

Придавая исключительное значение дисциплине, Россель прилагает все усилия к тому, чтобы поднять ее—хотя бы ценою самых суровых мер—на должную высоту.

2 мая он угрожает немедленным смещением и заключением в тюрьму сроком на один месяц всякому офицеру или военному чиновнику, «который опубликует какой-либо отчет о военных действиях или другой официальный документ, могущий пролить свет на военные ресурсы Коммуны и их распределение»<sup>6</sup>. В тот же день офицерам и всем должностным лицам, состоящим на службе Коммуны, категорически воспрещается «вступать в какие бы то ни было сношения с неприятелем», при чем военный делегат напоминает им

---

<sup>1</sup> «*Journal officiel*», 9/V—1871 г.

<sup>2</sup> «...Не было, вероятно, и ста офицеров, достойных этого звания. На всю артиллерию у меня было только два способных офицера»—признается Ключере («*Mémoires du gén. Cluseret*», I, 65).

<sup>3</sup> «*Journal officiel*», 2/V—1871 г.

<sup>4</sup> «*Journal officiel*», 6/V. А. Молок. «Парижск. Коммуна в док. и мат.», стр. 422.—Вот, для примера, несколько тем, которые задавались кандидатам на этих политических испытаниях: О влиянии французской революции.—О происхождении и значении революции 18 марта.—О национальной гвардии со времени ее образования до наших дней.—О правах и обязанностях граждан.—О преимуществах республиканского правительства над монархическим (Bourelly: «*Le Ministère de la Guerre*», p. 130; Dauban: «*Le Fond de la société sous la Commune*», p. 172—173).

<sup>5</sup> «*Journal officiel*», 9/V—1871 г.

<sup>6</sup> «*Journal officiel*», 3/V—1871 г. А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 418—419

правила полевого устава, «когорые он намерен заставить исполнять во всей их силе»<sup>1</sup>. «Образуйте военный суд и расстреливайте всех, виновных в неповиновении и оставлении своего поста перед лицом врага. Я заранее одобряю все меры, которые вы примете в этом смысле, лишь бы только вы действовали с необходимой энергией»,—пишет он того же 2 мая полковнику Брюнелю, командующему в Исси<sup>2</sup>. В одном из приказов по армии, подписанных Росселем, говорится: «Пьяные солдаты, а также те, которые позорят свой мундир, появляясь в обществе публичных женщин, будут подвергаться примерному наказанию и вне очереди отправляться на передовые позиции»<sup>3</sup>. 7 мая, находясь на фронте (в Пти-Ванве), Россель велит подвергнуть примерному наказанию нескольких офицеров и гвардейцев, самовольно оставивших свой пост: в присутствии военного делегата, генерала Ля-Сесилиа, и большой толпы федератов, виновным был отрублен правый рукав мундира; эта «невинная экзекуция» произвела все же сильное впечатление на присутствующих<sup>4</sup>. 9 мая, в последний день своей деятельности, Россель издает следующий приказ<sup>5</sup>: «Строго воспрещается прерывать огонь во время сражения, даже если бы неприятель поднял вверх приклады и выкинул белый флаг парламента<sup>6</sup>. Под угрозой смертной казни, воспрещается продолжать огонь, после того, как отдан приказ прекратить его, или идти вперед, когда приказано остановиться. Беглецы и те, которые отстанут по дороге, будут изрублены кавалерией, а если их окажется очень много—обстреляны из орудий. Во время боя командующие могут делать все, что найдут нужным, чтобы заставить офицеров и солдат, находящихся под их начальством, идти вперед и подчиняться приказам». С одинаковой строгостью взыскивает Россель как с рядовых гвардейцев и младших офицеров<sup>7</sup>, так и с лиц высшего командного состава. Так, он отзывает полковника Ветцеля, позволившего себе несколько раз обращаться с просьбой о подкреплениях к различным военным инстанциям, минуя, как своего прямого начальника, так и военного делегата<sup>8</sup>. За подобное же нарушение военной субординации он делает замечания генералам Эду и Врублевскому, которые сносились непосредственно с Комитетом общественного спасения<sup>9</sup>.

<sup>1</sup> «Journal officiel», 3/V—1871 г. А. Молок. «Пар. ком. в док. и мат.», стр. 418.

<sup>2</sup> «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars» (Paris 1872), p. 510.

<sup>3</sup> Charles Prolès. «Le colonel Rossel», (Paris 1898), p. 78.

<sup>4</sup> «Mém. et corresp. de Rossel», p. 325. Da Costa. «La Commune vécue», II, 212—213.—Газета «Estafette» (в № от 8/V) заканчивала описание этой сцены следующими словами: «Из сказанного выше можно составить себе ясное представление о характере полковника Росселя, который подобными мерами строгости сумеет бороться с разложением и воспламенять зыгутизм».

<sup>5</sup> «Journal officiel», 10/V 1871 г.

<sup>6</sup> Излюбленная военная хитрость версальцев, на к-рую часто попадались федераты.

<sup>7</sup> См. в высшей степени характерный эпизод, рассказанный Барроном («Sous le drapeau rouge», p. 150—152).

<sup>8</sup> «Journal officiel», 5/V. А. Молок. «Пар. ком. в док. и мат.», стр. 420.

<sup>9</sup> «Enq. parl. sur l'insur. du 18 mars», p. 510. Dauban. «Le Fond de la société...», p. 221.

Россель откликается на все,—желая «создать себе репутацию энергичного военного вождя, который один лишь способен спасти Париж»<sup>1</sup>,—и успевает думать о самых различных вещах.

«В виду предстоящих военных операций», он просит директора табачной мануфактуры сообщить ему, в состоянии ли тот обеспечить армию шестимесячным запасом»<sup>2</sup>. 5 мая он распределяет военные силы Коммуны на три действующие армии и две резервные бригады<sup>3</sup>.

К «жителям сельских коммун, страдающих от огня парижской артиллерии», он обращается с прокламацией, в которой говорит, что, если они хотят быть застрахованы от новых жертв, они должны соблюдать в отношении Парижа не «простой нейтралитет», а «нечто вроде союза», своевременно сообщая военным властям о всех передвижениях версальцев<sup>4</sup>. К гражданке Андре Лео, главному редактору «*La Sociale*», Россель обращается с письмом, в котором просит ее указать ему, каким образом можно было бы использовать женщин, предлагающих свою помощь по санитарному обслуживанию фронта<sup>5</sup>. 7 мая он предлагает Домбровскому, в случае, если немцы очистят—как тогда предполагалось—Сен-Дени, принять меры к тому, чтобы организовать и вооружить национальную гвардию этого города<sup>6</sup>.

Среди этой колоссальной организационной работы<sup>7</sup>, Россель—как увидим ниже—ни на минуту не упускает из виду своих обязанностей руководителя военными операциями, упорно отстаивая—в обстановке все растущей внутренней борьбы между органами революционного правительства—свои права министра и главнокомандующего.

## 2

Если члены Военной комиссии Коммуны, распределив между собой отдельные отрасли военного ведомства, деятельно помогали Росселю в его административно-организационной работе, то отношение к военной делегации со стороны Комитета Общественного Спасения и Центрального комитета национальной гвардии оставляло желать много лучшего.

Первые же шаги Комитета Общественного Спасения,—образовавшегося вечером 1 мая в составе двух якобинцев (Феликс Пиа и Лео Мелье), двух бланкистов (Ангуан Арно и Габриель Ранвье) и одного беспартийного, при-

<sup>1</sup> Талес. «Коммуна 1871 года», стр. 119 (по изд. Гиза 1925).

<sup>2</sup> Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 220.

<sup>3</sup> «*Journal officiel*», 6/V 1871 г.

<sup>4</sup> «*Journal officiel*», 6 мая 1871 г.

<sup>5</sup> «*La Sociale*», 7/V 1871 г.—В ответном письме Андре Лео рекомендовала Росселю сформировать особые санитарные отряды для работы на передовых позициях, поставив во главе их женщин-врачей («*La Sociale*», 9/V.—Ср. А. Молок. «Очерки быта и культуры Парижской Коммуны», стр. 106, 109–110).

<sup>6</sup> Bourelly. «*Le Ministère de la Guerre sous la Commune*», p. 138.

<sup>7</sup> Об интенсивности работы Росселя в качестве военного делегата свидетельствует, между прочим, количество официальных бумаг, вышедших из его кабинета за девять дней его пребывания на этом посту: оно доходит до 200, в том числе 1 мая—31, 2-го—27 (Dauban. «*Le fond de la société sous la Commune*», p. 246).



мыкавшего к бланкистам (Шарль Жерарден) <sup>1</sup>,—свидетельствовал о том, что он—еще менее, чем предшествовавшая ему Исполнительная комиссия—расположен отказаться от систематического вмешательства в деятельность военного министерства <sup>2</sup>, во главе которого оказался теперь кадровый офицер без всякого революционного прошлого и с не вполне отчетливой политической репутацией.

Официальная встреча Росселя с новым правительством (состоявшаяся вечером 2 мая) не только не сблизила их (на что рассчитывал, повидимому, Шарль Жерарден), но, наоборот, привела к резкому столкновению военного делегата с главной скрипкой Комитета—Феликсом Пиа <sup>3</sup>,—этим, по выражению интернационалиста Малона, «злым гением революции 18 марта» <sup>4</sup>, самолюбивым романтиком, жившим исключительно традициями 1793—1794 годов и усердно копировавшим деятелей Конвента.

3 мая Комитет общественного спасения, не предупредив Росселя, решил восстановить упраздненный 1 апреля пост главнокомандующего, назначив таковым Домбровского <sup>5</sup>; правда, по требованию военного делегата <sup>6</sup>,—отрицательно отнесшегося, как к самой идее особого главнокомандующего, так и к выбору, сделанному Комитетом,—последний взял назад свой декрет (не успев даже опубликовать его), и Домбровский вернулся к своим функциям командующего силами Коммуны на правом берегу Сены <sup>7</sup>. Потерпев неудачу в этом вопросе, Комитет общественного спасения решил нанести военному делегату удар с другой стороны и сделал попытку вмешаться в руководство военными операциями, минуя военное министерство. 3 мая генерал Врублевский, командовавший южным фронтом, получил подписанный Ант. Арно и Ф. Пиа приказ, предписывавший ему немедленно отправиться на помощь форту Исси <sup>8</sup>. Врублевский не посмел ослушаться Комитета общественного спасения; он провел ночь с 3 на 4 мая в Исси, а во время его отсутствия редут Мулен-Сакэ, расположенный в районе его командования, был внезапно атакован и захвачен версальцами, при чем федераты потеряли 8 пушек, 150 человек убитыми и ранеными и 300 пленных <sup>9</sup>. Как только весть об этой катастрофе дошла (4 мая) до Коммуны, Россель (лишь на следующий день узнавший об отданном Врублевскому приказе) был вызван в Ратушу для дачи об'яс-

---

<sup>1</sup> «Journal officiel», 4/V 1871. А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 328—334.

<sup>2</sup> «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 314.

<sup>3</sup> «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 317—318.

<sup>4</sup> Malon. «La Troisième défaite du prolétariat français», p. 308.

<sup>5</sup> «Mém. et corresp. de Rossel», p. 318.

<sup>6</sup> Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 221 (письмо Росселя—Шарлю Жерардену).

<sup>7</sup> «Mém. et corresp. de Rossel», p. 318—319: Россель утверждает, что, как показал опыт, Домбровский совершенно не годился на роль главнокомандующего. —Также же мнение Клузере («Mém. du gén. Cluseret», I. 174, 244).

<sup>8</sup> «Enq. parl. sur l'insur. du 18 mars», p. 521.

<sup>9</sup> «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 319—320. Lanjalley et Corriez. «Hist. de la révolution du 18 mars». Paris 1871; p. 396 (бюллетень Тьера от 4 мая). После ухода версальцев, редут был вновь занят федератами.

нений<sup>1</sup>. Обрисовав последние события на фронте, он напал на Комитет общественного спасения и, в частности, на Феликса Пиа, утверждая, что неумелое вмешательство последнего явилось причиной последних неудач. Затем он категорически потребовал открытого заседания под тем предлогом, что то, что он имеет сказать, «должны знать все граждане Парижа». «Это желание не было, однако, удовлетворено, под тем предлогом, что не «следует слишком раскрывать карты перед Версалем...»<sup>2</sup>. Феликс Пиа, задетый за живое упреками Росселя, первоначально категорически отрицал факт подписания инкриминируемого ему приказа<sup>3</sup>. Но затем под напором и Арну и Ж.-Б. Клемана—представителя «меньшинства» и представителя «большинства»—он принужден был просить об освобождении его от обязанностей члена Комитета Общественного Спасения<sup>4</sup>.

Итак, Росселю удалось как-будто отстоять свои права военного министра и главнокомандующего от посягательств со стороны Комитета общественного спасения. Однако в то же самое время ему пришлось выдержать тяжелую борьбу с Центральным комитетом национальной гвардии, обнаружившим к началу мая явное стремление выйти из своей пассивной роли «большого семейного совета национальной гвардии» (роли, которой он давно тяготился) и использовать политические затруднения совета Коммуны (ослабленного фракционной борьбой), как и непрерывные неудачи на фронте—для захвата в свои руки управления военным ведомством.

Уже 1 мая, приветствуя назначение Росселя на пост военного делегата, комиссия обороны Центрального комитета настаивала на предоставлении ей «общего контроля над крепостными работами и артиллерией», а также права подписывать ордера на выдачу фортам и бастионам боевых припасов<sup>5</sup>. Россель отвечал, что вполне разделяет точку зрения Центрального комитета на «необходимость привлечь к содействию делу защиты республики революционную силу» федерации и обещал доводить до сведения Комитета обо всех своих организационных начинаниях<sup>6</sup>. Одновременно,—надеясь, повидимому,

---

<sup>1</sup> Лиссагарэ. «Ист. Парижской Коммуны», стр. 290. —В письме от 3 мая, жалуясь на то, что его ставят в «невозможное положение агента, ответственного и в то же время бессильного», Россель сам просил, чтобы Коммуна выслушала его—«по вопросу о полномочиях военного делегата и о вторжении Комитета общественного спасения в сферу этих полномочий» (Bourelly. «Le Ministère de la Guerre...», p. 121—122).

<sup>2</sup> Malon. «La troisième défaite du prolétariat français», p. 303—304.

<sup>3</sup> Лиссагарэ. «История Парижской Коммуны», стр. 291.—Так как секретная часть заседаний Коммуны не опубликовывалась в ее «Journal officiel», а подлинные протоколы майских заседаний еще не изданы (I том «Procès-Verbaux de la Commune de 1871», в издании Буржена и Анрио 1924 г., обнимает лишь март—апрель), то мы даем здесь, как и в дальнейшем, лишь пересказ соответствующих заседаний Коммуны—на основании Лиссагарэ, использовавшего для своей книги (правда, лишь очень отрывочно) рукописные протоколы майских заседаний.

<sup>4</sup> Отставка Ф. Пиа либо не была принята Коммуной, либо была взята им назад: во всяком случае, он оставался членом К. О. С. вплоть до реорганизации последнего 9 мая.

<sup>5</sup> Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 191.

<sup>6</sup> Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 110, 111.

путем таких частичных уступок обозоружить Центральный комитет,—он старается привлечь его членов к активному участию в создании задуманного им контрольно-следственного аппарата по упорядочению дела денежного довольствия национальной гвардии<sup>1</sup>.

Это «мирное» сожительство Росселя с Центральным комитетом продолжалось, однако, недолго. Поводом к возгоревшемуся вскоре острому конфликту послужила задуманная военным делегатом коренная реформа активной части национальной гвардии, реформа, на которой нам придется остановиться здесь несколько подробнее.

Считая, что продолжение тактики пассивной обороны, в которой замкнулся Кюзере, может лишь отсрочить падение Парижа, но отнюдь не предотвратить такового<sup>2</sup>, Россель уже с первых дней своего министерства думает о переходе в наступление<sup>3</sup>. Но структура национальной гвардии, состоявшей из неравных по численности боевых единиц—легионов, представляла, как показал опыт, большие тактические неудобства. Создать в недрах национальной гвардии небольшой корпус, составленный из однородных—по числу батальонов и бойцов—полков и способный действовать в открытом поле регулярной армии противника,—такова была мысль Росселя<sup>4</sup>.

30 апреля он приступает к работе. Бержере поручается выбрать пять лично известных ему батальонов (численностью в 300—400 человек каждый) и сформировать из них полк под командой полковника и двух подполковников); Эд должен был сформировать два таких полка, Домбровский—четыре, Ля-Сесилиа—один. Каждому из полков должна была быть придана легкая артиллерия, из расчета по одному орудию на батальон, а все сливаемые батальоны должны были сдать свои батальонные знамена. Организованные таким образом восемь полков—по 2 000 штыков и 5 полевых орудий в каждом—должны были составить ядро той действующей армии, в каковую военный делегат мечтал превратить со временем всю активную часть (все маршевые батальоны) национальной гвардии<sup>5</sup>.

Этот проект не замедлил вызвать против себя сильнейшую оппозицию. «Термин «полки», на котором я остановился вместо термина «бригады», дабы не умножат числа генералов, поверг в смятение начальников легионов, кото-

---

<sup>1</sup> Ibidem, p. 112.

<sup>2</sup> «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 316.—Cp. E. Lepelletier. «Histoire de la Commune en 1871», III, 403—416 («Les fautes du général Cluseret»).

<sup>3</sup> По словам Баррона («Sous le drapeau rouge», p. 146), план перехода в наступление, выработанный Росселем, заключался в следующем: Путем ряда вылазок очистить от неприятеля подступы к Парижу с юга, затем, —заняв внимание противника ложной диверсией резервных частей национальной гвардии на каком-либо участке городских валов,—обойти высоты Медона, Шавилля и Вирофлэ, страшные своими батареями, и внезапной атакой (с тыла и с флангов) захватить Версаль.

<sup>4</sup> Критикуя этот проект, Луи Фио («Histoire de la guerre civile en 1871», p. 395) справедливо упрекает его в том, что он запоздал (le vrai reproche qu'on lui pouvait adresser était d'être tardif).

<sup>5</sup> «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 315—316.—Россель имел в виду придать потом этому корпусу из 8 полков и тяжелую артиллерию, от 12 до 16 орудий (ibidem).

рые усмотрели в новой организации посягательство на свои полномочия», — писал впоследствии Россель<sup>1</sup>. «На молодого делегата посыпались обвинения в том, что он хочет дезорганизовать национальную гвардию, как-будто бы она не была дезорганизована, раз'единить силы революции, как-будто бы они не были раз'единены»<sup>2</sup>. Центральный комитет пожаловался Коммуне, которая 2 мая вызвала к себе Росселя на секретное заседание. После краткого политического экзамена, которому подверг его председательствовавший Жюль Мио (якобинец)<sup>3</sup>, военному делегату был задан вопрос о мотивах предпринятой им реорганизации национальной гвардии. Россель дал следующие объяснения: «Формирование полков несколько не исключает существования легионов. Легион—это политическая и административная единица (*unité politique et administrative*), соответствующая округу; но это не есть тактическая единица (*unité tactique*), что ясно видно из того, что в Париже имеется легион, состоящий из 7 батальонов, и другой, состоящий из 28<sup>4</sup>. Приступая к формированию полков, я имел в виду просто сгруппировать небольшое количество батальонов, принадлежащих к одному и тому же легиону и образующих, под именем полка или полубригады, настоящую тактическую единицу»<sup>5</sup>. «... Он изложил свой проект формирования полков, как настоящий специалист, так удачно, так хорошо, что совершенно пленил собрание»,—пишет Лиссагарэ: «Ваши откровенные объяснения удовлетворили Коммуну,—сказал ему председатель,—будьте уверены в ее полном вам содействии»<sup>6</sup>.

Итак, Коммуна одобрила как-будто реформу, популяризацию которой взяла на себя газета «Отец Дюшен»<sup>7</sup>, но Центральный комитет и начальники легионов, разделяя анархические и партикуляристские предрассудки выдвинувших их масс, не хотели сдаваться. Для обсуждения создавшегося положения вечером 2 мая (точнее—в ночь со 2 на 3) было устроено расширенное заседание Комитета с участием начальников легионов (из 20 полковников на приглашение откликнулись 15). Комбатц (начальник VI легиона) заявил, что задуманная военным делегатом реформа уничтожает единство, заключающееся в батальоне, как и «легендарную славу» некоторых из них. Бурсье

<sup>1</sup> «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 324.

<sup>2</sup> Barron. «Sous le drapeau rouge», p. 149.

<sup>3</sup> Росселю был задан вопрос о его «демократическом прошлом», на который он отвечал, что со времени военного разгрома Франции глубоко возненавидел старый социальный строй и будет до конца против него бороться (Malon. «La troisième défaite du prolétariat français», p. 304).

<sup>4</sup> По другим сведениям, самый крупный в Париже легион национальной гвардии—XI (Сент-Антуанское предместье)—насчитывал только 25 батальонов; за ним шли XVIII легион (Монмартр), состоявший из 21 батальона, X (Сен-Лоран)—из 18 батальонов и XX (Менильмонтан)—из 17; численность остальных легионов колебалась между 7 (VII легион) и 12 батальонами, при чем наименьшее число батальонов насчитывал XVI легион (Пасси)—2 («Tableau des bataillons de la garde nationale de la Seine avec leur répartition par arrondissement». Ленингр. Публ. Библ., 33. 62. 1. 108).

<sup>5</sup> «Journal officiel», 4 мая 1871 г.

<sup>6</sup> Лиссагарэ. «Ист. Парижской Коммуны», стр. 288—Ср. Lefrançais. «Souvenirs d'un révolutionnaire», p. 520.

<sup>7</sup> «Le Père Duchêne», 17 floréal an 79 (6/V—1871)

(начальник I легиона) отметил, что полк должен будет иметь одно знамя, и выразил сомнение в том, чтобы какой-либо из батальонов согласился отказаться от своего старого знамени. Спинуа (начальник III легиона) подчеркнул, что раз командиры полков не будут избираться, то при их замещении будет иметь место кумовство. Некоторые из присутствующих пошли еще дальше и, не ограничиваясь резким осуждением проекта Росселя, потребовали полного упразднения военной делегации с заменой ее Центральным Комитетом. Лякор внес предложение голосовать отрешение Росселя и довести об этом до сведения Коммуны, но член Коммуны Арнольд возразил, что последняя не пойдет в этом вопросе навстречу Комитету, в котором она продолжает видеть соперника<sup>1</sup>. В конце-концов, было единогласно решено отправиться на другой же день в Ратушу и представить Коммуне следующие два требования: а) упразднение военного министерства и б) замена последнего Центральным Комитетом национальной гвардии<sup>2</sup>.

На следующий день (3 мая), около полудня, в кафе национальной гвардии (на площади Ратуши) состоялось многолюдное собрание членов Центрального комитета и начальников легионов для выборов делегации, которая должна была представить Коммуне принятые в ночном заседании решения. Россель, узнав об этом собрании, тотчас же распорядился отправить на место действия сильный отряд федератов, чтобы арестовать собравшихся; отряд прибыл, однако, слишком поздно, и арестовать удалось лишь одного из инициаторов<sup>3</sup>. Остальные, с саблями и револьверами на боку, явились в Ратушу, но, не застав там никого из членов Коммуны, оставили записку следующего содержания: «Комитет общественного спасения примет Центральный комитет в 5 часов»<sup>4</sup>. Феликс Пиа, найдя эту записку, испугался и бросился за указаниями в Коммуну<sup>5</sup>, которая, после долгого обсуждения, высказалась за передачу вопроса в Комитет общественного спасения<sup>6</sup>.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники—слишком скудные и крайне противоречивые в этом пункте—не дают, к сожалению, возможности восстановить с полной ясностью картину переговоров, которые велись—3 и 4 мая—между Комитетом общественного спасения, военным делегатом и Центральным комитетом в связи с выдвинутыми последним требованиями<sup>7</sup>. Как бы там ни было, вопрос был разрешен путем компромисса. Комитет Общественного спасения—декретом от 15 флореаля (4 мая)—постановлял, что «военная делегация включает в себе два отдела: военно-оперативный и административный» (ст. 1), что «на полковника Росселя возлагаются инициатива и руководство военными операциями» (ст. 2), и что «Центральный Комитет нацио-

<sup>1</sup> Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 116.

<sup>2</sup> Maxime Vuillaume. «Deux Drame (1871)». Paris 1912; p. 132—133.

<sup>3</sup> Это был начальник I легиона, полк. Бурсье (J. de Gastyne. «Mémoires secrets du Comité central et de la Commune», p. 114).

<sup>4</sup> Лиссагарэ. «История Парижской Коммуны», стр. 288.

<sup>5</sup> Ibidem.

<sup>6</sup> Malon. «La Troisième défaite du prolétariat français», p. 300.

<sup>7</sup> См. противоречивые данные об этих переговорах в «Mém. et corresp. de Rossel» (p. 322) и у J. de Gastyne: «Mémoires secrets du Comité central et de la Commune» (pp. 112—125).

нальной гвардии будет заведывать различными административными отделами военного ведомства под непосредственным контролем Военной комиссии Коммуны» (ст. 3) <sup>1</sup>.

Как и следовало ожидать, Россель согласился на эту урезку своих полномочий (оставлявшую ему фактически лишь функции главнокомандующего и совершенно отнимавшую у него права военного министра), не без борьбы <sup>2</sup>. В своих записках он рассказывает, что уступил лишь тогда, когда окончательно убедился в отсутствии у него всякой серьезной точки опоры и после того, как один из делегатов Центрального Комитета категорически заверил его в том, что последний сумеет выдвинуть из своей среды необходимый кадр способных администраторов и организаторов («мы пощупали себе пульс и знаем, что справимся»,—сказал этот делегат) <sup>3</sup>.

В циркуляре, адресованном 4 мая «генералам, полковникам и начальникам отделов, подведомственных военной делегации», Россель мотивировал свое решение следующими тремя соображениями: 1) «невозможностью, в нужный срок, подобрать необходимый для работы административный персонал»; 2) «целесообразностью полного отделения администрации от командования»; 3) «необходимостью самым действительным образом использовать не только добрую волю, но и высокий революционный авторитет Центрального комитета Федерации» <sup>4</sup>.

Бакунист Малон и бланкист Да Коста сходятся в осуждении описанной выше реорганизации военного ведомства: первый (в свое время выдвинувший Росселя на пост начальника главного штаба и горячо поддерживавший его и позже) называет постановление Комитета общественного спасения от 4 мая «пагубным» и говорит, что оно «связывало Росселя по рукам и ногам и узаконяло беспорядок, царивший в военном министерстве» <sup>5</sup>; второй считает его неудачным потому, что оно раздробляло руководство военным ведомством между тремя органами—военным делегатом, Центральным комитетом, Военной комиссией Коммуны <sup>6</sup>.

Если верить сводке полицейско-информационного бюро, от 7 мая национальные гвардейцы с большим удовлетворением встретили известие о том, что Центральный комитет начнет «играть наконец выдающуюся роль в великой драме момента» <sup>7</sup>. Мнение революционной прессы разбилось. В то время как газета Феликса Пиа приветствовала решение Комитета общественного спасения, как «хорошую меру» (*une bonne mesure*) <sup>8</sup>,—другой орган якобинцев, редактируемый Делеклюзом, объявлял отделение административной части

---

<sup>1</sup> «Journal officiel», 6/V—1871.

<sup>2</sup> См. Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 126.

<sup>3</sup> «Mém. et corresp. de Rossel», p. 322—323.

<sup>4</sup> «Journal officiel», 5 мая 1871 г.

<sup>5</sup> Malon. «La Troisième défaite du prolétariat français», p. 301.

<sup>6</sup> Da Costa. «La Commune vécue», II, 182.

<sup>7</sup> Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 240.—Интересно, что одновременно та же сводка отмечала рост популярности Росселя в «народных кварталах» (*ibid.*, p. 239).

<sup>8</sup> «Le Vengeur», 6 мая 1871 г. (ст. «Une bonne mesure»).

военного министерства от оперативной крайне несвоевременным и нецелесообразным. «Отец Дюшен» горячо отстаивал права военного делегата.

Между тем, начиная с 4 мая<sup>1</sup>, Центральный комитет национальной гвардии приступает—через свои специальные комиссии—к фактическому захвату военного ведомства<sup>2</sup>. Явившись в интендантство, делегаты Комитета предложили руководителю этого учреждения—члену Военной комиссии Варлену—устраниться и сдать им дела; последний, однако, категорически отказался подчиниться такому требованию и согласился допустить представителей ЦК в свое ведомство лишь на правах контролеров (но отнюдь не администраторов). Одновременно делегат финансов Журд получил от финансовой комиссии Центрального комитета письмо, уведомлявшее его о переходе счетно-финансовой части военного министерства в руки этой комиссии. В другом отделе военного министерства, находившемся под управлением члена Военной комиссии бланкиста Жоаннара, служащие просто оставили работу и ушли в Центральный комитет, на заседание<sup>3</sup>.

Перед лицом таких фактов Коммуна забила отбой: в заседании 8 мая декрет Комитета общественного спасения от 4 числа подвергся резким нападениям—главным образом, со стороны членов прудонистско-бакунистского «меньшинства» (якобинцы, как и следовало ожидать, защищали свое детище). Инициатором дискуссии явился Журд, огласивший полученное им от финансовой комиссии Центрального комитета письмо и охарактеризовавший создавшееся в военном ведомстве положение, как «хаос»: «... Я спрашиваю,—закончил он под возгласы одобрения,—как называется правительство — Центральный комитет или Коммуна?». Интернационалист Варлен, член Военной комиссии, жалуюсь на образ действий Центрального комитета, заявил, что не может при создавшемся положении продолжать исполнение своих обязанностей уполномоченного по интендантству. Члены Комитета общественного спасения защищали свой образ действий. «...Используя Центральный комитет,—говорил Шарль Жерарден,—мы повиновались требованиям момента. У Росселя не было под руками никого, и мы не могли сделать ничего лучшего, как обратиться к представителям национальной гвардии: только там мы могли найти действительную силу, серьезную опору, преданность делу республики и Коммуны...». «Центральный Комитет»,—говорил Феликс Пиа,—«потребовал себе руководства административной частью военного министерства. Он сказал: «существуют две сферы: одна — чисто-военная, другая — чисто-административная; первая должна быть предоставлена военному делегату, вторая—Центральному комитету; мы не претендуем ни руководить военными операциями, ни смещать генералов: мы—только администраторы» Закончил он выпадом против военного делегата: «Если у гражданина Росселя не оказалось ни сил, ни умения удерживать Центральный комитет в пределах его чисто-административных функций, то нельзя винить в этом Комитет общественного спасения...» В конце концов, было поставлено на голосование

<sup>1</sup> Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 207 (протокол заседания ЦК 4 мая).

<sup>2</sup> «L'Estafette», 7/V—1871 г.

<sup>3</sup> См. отчет о заседании Коммуны 8 мая в «Journal officiel» от 10/V 1871 г.

и принято предложение члена Военной комиссии (и ЦК) Арнольда<sup>1</sup>. Оно было опубликовано на следующий день в виде декрета, носившего явно-компромиссный характер, признавая, что «участие Центрального комитета национальной гвардии в управлении военным ведомством, установленное Комитетом общественного спасения, есть мера необходимая и полезная для общего дела», Коммуна поручала своей Военной комиссии «урегулировать, по соглашению с военным делегатом, взаимоотношения Центрального комитета с военной администрацией»<sup>2</sup>. Одновременно был опубликован приказ военной комиссии, в силу которого Центральный комитет не имел права назначать служащих по военному ведомству, а мог лишь предлагать своих кандидатов Военной комиссии, которой и принадлежало окончательное решение; вместе с тем, Центральный комитет обязывался представлять Военной комиссии ежедневные отчеты о работе каждого из отделов министерства<sup>3</sup>.

Так, Коммуна пыталась взять—по частям—назад то, на что согласилась за четыре дня перед этим. Но Центральный комитет одержал все же если не полную, то частичную победу,—и двоевластие в военном ведомстве стало совершившимся фактом: характерно, что тот же номер «Официальной газеты», в котором был опубликован приказ Военной комиссии, суживавший административные права Центрального комитета, содержал постановление Комитета общественного спасения, назначавшего одного из виднейших членов ЦК, бланкиста Эдуарда Моро, «гражданским комиссаром Коммуны при военном делегате»<sup>4</sup>.

Став твердой ногой в военном министерстве, Центральный комитет повел решительную борьбу с начатой военным делегатом реформой—организацией полков. Вечером 8 мая группа начальников легионов явилась к Росселю с тем, чтобы заставить его отказаться от своего проекта<sup>5</sup>. Во дворе министерства они наткнулись на вооруженный взвод национальных гвардейцев. Военный делегат, решивший раз-навсегда покончить с этой бесконечной оппозицией, встретил их крайне враждебно: «Вы очень уж храбры»,—сказал он,—«знаете ли вы, что этот взвод приготовлен для того, чтобы вас расстрелять?». Начальники легионов отвечали, что они пришли просто поговорить с ним об организации национальной гвардии. После минутного колебания Россель уступил, огослал взвод и согласился выслушать их протесты. Сцена, которая чуть-было не привела к трагической развязке, закончилась чем-то вроде соглашения: начальники легионов обязались собрать на следующее утро на площади Согласия 12 тысяч готовых к походу федератов, с которыми Россель брался предпринять вылазку против неприятеля.

---

<sup>1</sup> «Journal officiel», 10 мая 1871 г.

<sup>2</sup> «Journal officiel», 9 мая 1871 г.

<sup>3</sup> «Journal officiel», 9/V 1871 г.—ЦК решительно протестовал против подобного ограничения своей административной компетенции (см. декларацию Эд. Моро от 10/V и письмо Лякора Делеклюзу: «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», p. 516—517).

<sup>4</sup> «Journal officiel», 9/V 1871 (см. письмо Эд. Моро в редакцию «Estafette» от 10 мая, опубликованное газетой 13 и содержавшее его военную программу).

<sup>5</sup> Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 298.



На следующий день «Отец Дюшен»,—редакторы которого были свидетелями сцены, имевшей накануне место в военном министерстве <sup>1</sup>,—разразился громовой статьей против комитетчины, ставя перед военным делегатом следующую дилемму: либо послать в Коммуну заявление об отставке, либо велеть расстрелять всех тех, которые ставят ему палки в колеса. «Знает ли кто-нибудь другой выход из положения? Отец Дюшен знает только один: это—победа. В былое время ее декретировали! Но тогда был папаша Карно..., который делал все дело и притом так, как считал нужным... А теперь!...» <sup>2</sup>.

Эта статья вызвала резкий протест со стороны Центрального комитета, который—письмом в редакцию газета «Коммуна» <sup>3</sup>—требовал от редакции «Отца Дюшена» прекращения травли членов Комитета, который взял-де на себя руководство административной частью военного министерства «единственно для того, чтобы разгрузить гражданина Росселя», с которым он «находится в наилучших отношениях», и дать ему возможность всецело отдаться руководству военными операциями. Однако в то же самое время Центральный комитет, не довольствуясь организационно-административными функциями, позволял себе—если не систематически, то все же время от времени—вмешиваться и в область чисто-оперативную <sup>4</sup>.

### 3

Анализ военных операций сам по себе не входит, как уже сказано, в задачи настоящего исследования. Тем не менее, для правильного понимания последующего нам придется все же остановиться—хотя бы вкратце—на ходе военной борьбы между Парижем и Версалем за время девятидневного министерства Росселя и, в частности, на важнейшем военном событии этого периода—вторичном (и окончательном) оставлении федератами форта Исси.

Если до второй половины апреля военные действия шли с переменным успехом, то с этого времени, в связи с усилением армии Тьера, перевес явно склоняется на сторону версальцев,—при чем внимание генералов Национального собрания сосредоточивается теперь преимущественно на южном фронте, где федераты терпят ряд крупных неудач, поправить которые Россель оказывается так же бессилён, как до него Кюзере. В ночь на 2 мая, после кровопролитного боя, версальцы захватывают замок Исси и одновременно, почти без всякой перестрелки, овладевают важной в стратегическом отношении станцией Кламар <sup>5</sup>. В ночь с 3 на 4 они совершают набег на редут Муллен-Сакэ <sup>6</sup>. В ночь на 6-ое в руки версальцев переходят укрепления, распо-

<sup>1</sup> М. Вильом. «В дни коммуны», стр. 146.

<sup>2</sup> «Le Père Duchêne», 20 floréal an 79 (9 мая 1871), р. 2—4.

<sup>3</sup> «La Commune», 11 мая 1871 г. (письмо датировано 9/V и подписано одним из членов ЦК—Руссо).

<sup>4</sup> 8 мая Россель писал члену ЦК Лякору: «Я хотел бы, чтобы Центральный Комитет учредил особую комиссию юстиции, которая могла бы расстреливать кого-угодно, даже меня, лишь бы он оставил за мной неограниченное руководство военными операциями» (Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», р. 139).

<sup>5</sup> Lanjalley et Corriez. «Histoire de la révolution du 18 mars», р. 378 (бюллетень Тьера от 2 мая). При этом коммунары потеряли 300 убитых и около 400 пленных.

<sup>6</sup> Ibidem, р. 396 (бюллетень Тьера от 4 мая).

ложенные между Исси и Ванвом: сообщение между обоими фортами было прервано<sup>1</sup>.

Убедившись, что ближайшей целью версальцев является овладение фортом Исси<sup>2</sup>, Россель уделяет этому участку фронта совершенно исключительное внимание. «Вы, конечно, поймете»,—пишет он 2 мая посланному им туда Эду<sup>3</sup>,—«что Коммуна не остановится ни перед чем, чтобы сохранить за собой форт Исси<sup>4</sup>...». В тот же день он заверяет Комитет общественного спасения, что никогда не отдаст приказа об эвакуации форта<sup>5</sup>. 3-го он адресует Эду пространную инструкцию<sup>6</sup> и—в ответ на бесконечные депеши, которыми последний забрасывает Комитет общественного спасения и военное министерство<sup>7</sup>—посылает ему три роты саперов, партию земляных мешков, провиант<sup>8</sup>. Не ограничиваясь посылкой инструкций и подкреплений, Россель и сам, отрываясь от работы в министерстве, несколько раз посещает форт<sup>9</sup>. Шестого, предупрежденный Комитетом общественного спасения о том, что гарнизон Исси собирается взорвать форт, окружение которого становится все более и более тесным, он дает приказ командующему южным фронтом Врублевскому перейти ночью в наступление по всей линии, чтобы, посредством такой общей диверсии, помешать версальцам атаковать форт. Деорганизация войск сорвала, однако, этот план<sup>10</sup>. Такая же участь постигла и прочие меры, принятые Росселем для удержания Исси<sup>11</sup>, часы которого были уже сочтены. «После десяти дней непрерывной бомбардировки, 8 мая форт находился в таком состоянии, что уже не мог больше служить обороне... В пять часов вечера началась эвакуация, которая продолжалась до полуночи...»<sup>12</sup>. Утром следующего дня, убедившись, что форт эвакуирован, версальцы поспешили занять его<sup>13</sup>.

Париж узнал о падении Исси лишь на следующий день, 9-го (притом не из утренних газет, а позже). Депеша инженера Риста (от 8)<sup>14</sup>, сообщавшая

---

<sup>1</sup> Guerre des communeux de Paris, par un officier supérieur de l'armée de Versailles» (Paris 1871), p. 169—170.

<sup>2</sup> E. Gerspach. «Le colonel Rossel» (Paris 1873), p. 118.

<sup>3</sup> Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 113.

<sup>4</sup> См. телеграфные приказы К-та общ. спасения Росселю—об удержании Исси во что бы то ни стало: «Le Vengeur», 13/V 1871 г.; Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 269.

<sup>5</sup> «Le Vengeur», 13 мая 1871 г. (статья Ф. Пиа «Preuves»).

<sup>6</sup> «Enq. parl. sur l'insur. du 18 mars», p. 510—511.

<sup>7</sup> Dauban. «Le Fond de la société...», p. 266. «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 317—318.

<sup>8</sup> «Enq. parl. sur l'insur. du 18 mars», p. 511.

<sup>9</sup> 3 мая он лично приводит туда три батальона подкреплений («Mém. et corresp. de Rossel», p. 318).

<sup>10</sup> Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 132.

<sup>11</sup> Ibidem, pp. 133—138. «Mém. et corresp. de Rossel», p. 326.

<sup>12</sup> «Second siège de Paris... Journal anecdotique par Ludovic Hans». (Paris 1871), p. 171—172.

<sup>13</sup> Guerre des communeux de Paris, par un officier supérieur de l'armée de Versailles», p. 176.

<sup>14</sup> Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 267.

о том, что охваченный паникой гарнизон весь, за исключением нескольких десятков человек, выступил из форта, не дошла, повидимому, до своего назначения<sup>1</sup>,—и в то самое время, как федераты оставляли дымящиеся развалины Исси, Россель готовился к тому, чтобы идти на выручку форта с теми 25 батальонами (численностью в 500 человек каждый), которые начальники легионов обязались поставить на ноги к следующему утру<sup>2</sup>.

Что рассчитывал предпринять с этими силами Россель—спрашивает Дюбрейль<sup>3</sup>: «Он говорил, конечно, о вылазке на Версаль, через Кламар. Но не было ли это только предлогом и не имел ли он другой цели, приписываемой ему некоторыми, а именно пойти во главе этих 12.500 штыков на Ратушу, прогнать Коммуну и объявить в Париже военную диктатуру, а себя диктатором?.. Вопрос этот до сих пор еще не ясен. И трудно сказать, выяснится ли он вообще когда-нибудь...<sup>4</sup>.

Как бы там ни было, 9-го около полудня, 19 батальонов<sup>5</sup> национальной гвардии построились на площади Согласия, в ожидании военного делегата. Россель прибыл верхом, быстро обехал вдоль фронта и, убедившись в том, что перед ним нет 12 тысяч<sup>6</sup> и что состояние собравшихся частей далеко не удовлетворительно, повернул обратно, в военное министерство. Здесь ему сообщили только что прибывшую телеграмму следующего содержания: «Наблюдательный пункт Ля-Мюетт—военному министерству (полдень): Трехцветное знамя развевается на форте Исси, занятом линейными войсками. Прибывает масса войск»<sup>7</sup>. Россель берет перо и, слегка перефразируя текст этой телеграммы, пишет следующее: «Трехцветное знамя развевается над фортом Исси, оставленным вчера вечером его гарнизоном. Военный делегат

---

<sup>1</sup> «Le Mot d'Ordre», 13 мая 1871 г. (открытое письмо нач-ка главного штаба Сегена).

<sup>2</sup> «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 324—326.

<sup>3</sup> Дюбрейль. «Коммуна 1871 г.», стр. 204.

<sup>4</sup> Да-Коста («La Commune vecue», II, 196—197), ошибочно перенося этот смотр на 10 мая, видит в нем первый шаг к осуществлению сложившегося в конце апреля бланкистского заговора против «парламентарной» Коммуны: по его словам, заговорщики рассчитывали взволновать собранные на площади согласия батальоны тенденциозным сообщением о падении форта Исси и отставке Домбровского, а затем двинуть их на Ратушу,—при чем Ригго, отнесшийся сперва отрицательно к этому плану (из опасения, как бы поход против Ратуши не привел к столкновениям внутри национальной гвардии), под конец заявил, что «если смотр даст ожидаемые от него Росселем результаты, то следует конечно сделать такую попытку»...

<sup>5</sup> Это—цифра газеты «L'Estafette» (от 11/V 1871 г.), которая приводит список участвовавших в смотре батальонов.

<sup>7</sup> Сколько именно федератов было собрано 9 мая на площади Согласия, в точности неизвестно. Сам Россель дает две цифры: в открытом письме к Коммуне он говорит о 7 тысячах (А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 430), а в тюремных записках—о 5 («Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 327). Начальники легионов утверждали, по словам Лиссагарэ («Ист. Париж. Ком.», стр. 299), что их было 10 тысяч.

<sup>7</sup> «Le Mot d'Ordre», 13 мая 1871 г.—В третьем часу дня была получена новая телеграмма (на этот раз от наблюдательного пункта Триумфальной Арки) аналогичного характера.

Россель<sup>1</sup>. Не предупредив ни Коммуну, ни Комитет общественного спасения, «который мог бы добавить несколько слов бодрости для поддержания духа населения»<sup>2</sup>, он посылает в типографию вестового с приказом немедленно отпечатать эти четырнадцать слов в количестве десяти тысяч экземпляров (обычный тираж афиш Коммуны составлял шесть тысяч экземпляров). Помеченная 12½ часами дня, эта афиша появилась вскоре на стенах города<sup>3</sup>, так же, как и другая (помеченная 1 часом дня), в которой Россель делал последнее усилие спасти положение, приказывая командующему в деревне Исси Брюнелю «занять позицию лица, связав ее с фортом Ванв»<sup>4</sup>. Обрисовав перед Делеклюзом (который, в качестве члена Военной Комиссии, с утра находился в министерстве) создавшееся положение<sup>5</sup>, Россель продиктовал открытое письмо на имя членов Коммуны, которое было тотчас же отослано им в Ратушу, равно как и в редакции крупнейших революционных газет Парижа<sup>7</sup>.

Это знаменитое письмо,—обошедшее едва ли не все газеты<sup>8</sup> (как революционные, так и реакционные, как парижские, так и версальские) и всегда с особенным удовольствием цитируемое буржуазными историками,—представляло собой сплошной обвинительный акт против Коммуны и Центрального комитета. Начав с того, что он считает себя «неспособным нести далее ответственность за командование там, где все рассуждают и никто не хочет повиноваться»,—военный делегат доказывал, что «ничтожество Артиллерийского комитета помешало организации артиллерии, колебания Центрального комитета федерации мешают администрации, жалкие предубеждения начальников легионов парализуют дело мобилизации войск». Переходя к последним событиям на фронте, он клеймил гарнизон Исси и его командиров за преждевременную эвакуацию форта. С исключительной резкостью обрушивался Россель на начальников легионов, которые, подобно Центральному комитету, проводят время в бесконечных совещаниях, результатом коих «явился проект в такой момент, когда нужны были люди, и декларация принципов, когда нужны были действия»; он признавался, что хотел расстрелять их, но не чувствуя за собой необходимой поддержки Коммуны, не решился «взвалить на себя всю ответственность за репрессии, которые необходимы,

---

<sup>1</sup> «*Mur. Pol. Fr.*», II, 459. А Молок «*Пар. Ком в док. и мат.*», стр. 429.

<sup>2</sup> «*La Justice*», 12/V 1871 г. («*La fuite de Rossel et du citoyen Gérardin*»).

<sup>3</sup> «*Le Vengeur*», 11 мая 1871 г. («*Rossel*») —Если верить члену ЦК Б. Лякору («*Le Vengeur*», 16 мая 1871: *Dossier Rossel*), Россель сам признался потом, что «действовал слишком с большой поспешностью».

<sup>4</sup> Комитет Общ. Спасения отдал распоряжение приостановить расклейку этих афиш («*La Justice*», 12/V 1871), а ЦК—срывать уже расклеенные («*D a u b a n. Le fond de la société*», p. 256).

<sup>5</sup> «*Mur. Pol. Fr.*», II, 459.—Ср Bourelly. «*Le Ministère de la Guerre sous la Commune*», pp. 140—142.

<sup>6</sup> Prolès. «*Le colonel Rossel*», p. 90

<sup>7</sup> «*Mém. et corresp. de L. Rossel*», p. 326—327 (Россель ошибается, утверждая, что это письмо было написано им до смотра на площади Согласия: ведь в нем говорится о смотре, как об уже совершившемся факте).

<sup>8</sup> «*Journal officiel*» Коммуны воздержался, однако, от его опубликования.

чтобы извлечь из этого хаоса организацию, дисциплину и победу». Россель заявлял, что «мог бы сохранить свой мандат» лишь в том случае, если бы Коммуна гарантировала ему широкую гласность его действий: но она «не имела мужества согласиться на эту гласность», дважды заставив его давать отчет о военном положении в секретном заседании. «Мой предшественник,— заканчивал Россель,—напрасно пытался бороться с этим нелепым положением. Наученный его опытом, я знаю, что сила революционера заключается только в ясности положения, и для меня существуют лишь две линии поведения: или уничтожить препятствия, стоящие на моем пути, или удалиться. Я не уничтожу этих препятствий, так как они в вас и в вашей слабости, а я не хочу покушаться на народное верховенство. Я удаляюсь и имею честь просить вас дать мне камеру в Мазасе»<sup>1</sup>.

Если даже согласиться с Лефрансэ, что письмо Росселя,—которое буржуазные историки поспешили объявить «судом истории над Коммуной»<sup>2</sup>,—«слишком даже ясно излагало создавшееся положение»<sup>3</sup>, то военный делегат совершал все же непростительную политическую ошибку, опубликовав его в газетах и посвятив, таким образом, как внутреннего, так и внешнего врага революции в растущие затруднения последней<sup>4</sup>.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают, к сожалению, прямого ответа на вопрос, когда дошло до Коммуны письмо, в котором Россель заявлял о своей отставке<sup>5</sup>. Во всяком случае, до 4 часов дня<sup>6</sup> в Ратуше, повидимому, не подозревали ни о принятом военным делегатом решении сложить свои полномочия, ни о падении форта Исси. Обе эти новости приносит Коммуне Делеклюз. «Вы здесь спорите,—говорит он в то время как по городу

---

<sup>1</sup> «Mém. et corresp. de Rossel», pp. 331—333.—А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 429—431.

<sup>2</sup> Слова Анри Мартена («Mém. et corresp. de Rossel», p. 331, п. 1).

<sup>3</sup> G Lefrançais «Souvenirs d'un révolutionnaire». (Bruxelles 1903,) p. 526.—В другом месте он говорит, что «это письмо содержало, увы, только правду о вещах, которых оно касалось» (Lefrançais. «Etude sur le mouvement communaliste de Paris en 1871», p. 292).

<sup>4</sup> Таково мнение Малона («La Trois. défaite du prolét. français», p. 309).—Лиссагарэ («История Парижской Коммуны», стр. 300) и Лефрансэ («Etude sur le mouvement communaliste», p. 292; «Souvenirs d'un révolutionnaire», p. 527) также резко порицают образ действий Росселя в этом случае. Одни только радикалы Ланжаллэ и Коррье находят эти упреки незаслуженными и думают, что опубликование Росселем своего письма в газетах могло повлиять на Коммуну и Комитет Общественного Спасения как своего рода «нравственная узда» («Histoire de la révolution du 18 mars», p. 437).

<sup>5</sup> Едва ли верно утверждение Лефрансэ («Etude sur le mouvement communaliste», p. 292), будто оно совсем не было получено Коммуной. Столь же маловероятным представляется нам утверждение Росселя («Mém. et corresp.», p. 327), будто Коммуна, получив его заявление, послала к нему одну за другой две делегации, прося его взять назад свою отставку. Выяснить—с полной точностью—оба эти пункта можно будет, лишь имея в руках подлинные протоколы обоих заседаний Коммуны 9 мая и 10-го.

<sup>6</sup> «Le Père Duchêne», 21 floréal an 79 (10/V—1871), p. 2. Prolès. «Le colonel Rossel», p. 92.

расклеивают афишу, извещающую о том, что трехцветное знамя развеивается над фортом Исси... Я видел сегодня утром Росселя: он подал в отставку и твердо решил не брать ее назад; все его действия срываются Центральным комитетом; он совершенно выбился из сил. Я зываю ко всем... Отбросьте на сегодня все ваши личные счеты: мы должны спасти страну...» Старый якоринец переходит к критике деятельности Комитета общественного спасения (который «не оправдал возлагавшихся на него надежд» и «должен исчезнуть» как ненужный и вредный жупел) и заканчивает указанием на необходимость создать действительное единство руководства, а также привлечь к делу обороны революции «храбрецов 18 марта» (т.-е. Центральный комитет)<sup>1</sup>. «Растроганное, покоренное этим суровым человеком, живым воплощением долга, собрание аплодировало речи Делеклюза»<sup>2</sup>. Заседание было объявлено секретным; после продолжительной дискуссии, в которой Комитет общественного спасения подвергся резким нападкам<sup>3</sup>, Коммуна приняла резолюцию о немедленных перевыборах этого Комитета и о назначении в военное ведомство «гражданского делегата»<sup>4</sup>. Одновременно—через 26 часов после оставления форта Исси—окружным мэриям было разослано для немедленной расклейки официальное сообщение следующего содержания: «Это—ложь, будто трехцветное знамя развеивается над фортом Исси. Версальцы не занимают его и не займут. Коммуна приняла все решительные меры, которых требует положение»<sup>5</sup>.

Поздним вечером заседание Коммуны возобновляется. Феликс Пиа, выбранный председателем, требует ареста Росселя, которого он делает козлом отпущения за все ошибки Комитета общественного спасения и открыто обвиняет в измене. Почти единогласно—против двух голосов: Ш. Жерардена и Малона<sup>7</sup>—принимается постановление об аресте бывшего военного делегата, исполнение какового поручается Военной комиссии<sup>8</sup>. Заседание заканчивается выборами нового Комитета общественного спасения: избранными оказались два прежних члена Комитета, Ант. Арну и Ранвье (бланкисты-диссиденты),

---

<sup>1</sup> «Journal officiel», 10/V—1871 г.

<sup>2</sup> Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 302.

<sup>3</sup> Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 302.

<sup>4</sup> Резолюция эта была опубликована в «Journal officiel» от 10 мая 1871 г.

<sup>5</sup> «М. Р.», II, 463 (в газете секретаря Коммуны Везинье—«Paris libre», от 11/V—это опровержение было опубликовано в несколько иной, хотя не менее категорической, редакции).—Интересно, что в «Journal officiel»,—напечатавшем афишу Росселя об оставлении Исси (в № от 10/V),—опровержение это не появилось.

<sup>6</sup> Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 302 (перев. исправ.—А. М.). Малон («La troisième défaite du prolétariat français», р. 308) сравнивает эту речь Пиа против Росселя со знаменитой обвинительной речью Сен-Жюста против Дантона в Конвенте (31/III—1794 года).

<sup>7</sup> Малон. «La Troisième défaite du prolét. français», р. 308.—Лефрансэ («Etude sur le mouv. communaliste en 1871», р. 295) ошибочно присоединяет Авриала к Малону и Шарлю Жирардену, голосовавшим против ареста Росселя.

<sup>8</sup> Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 302—303.

и трое новых—бланкист Эд и якобинцы Гамбон и Делеклюз<sup>1</sup>,—все пятеро—представители «большинства».

Что делает в это время Центральный комитет национальной гвардии? Он заседает в военном министерстве<sup>2</sup>, обсуждая создавшееся в результате последних неудач положение на фронте. Еще ничего не зная об отставке военного делегата, собрание посылает к нему повторное приглашение явиться на заседание. Россель является. Б. Лякор<sup>3</sup> требует у него объяснений по поводу афиши об оставлении Исси. Россель отвечает, что он уже больше не делегат<sup>4</sup>. Руссо жалуется, что «на каждом шагу встречаются те или иные препятствия». Россель: «Вы столкнулись с тем, с чем я сталкивался изо дня в день». После ухода военного делегата, прения разгораются. Моро заявляет, что бывают моменты, когда необходима диктатура, и что такой момент наступил. Б. Лякор требует, чтобы вопрос о диктатуре был поставлен на голосование. Голосование дает следующие результаты: 19—за диктатуру, 9—против. Судри спрашивает, знает ли кто-нибудь другого кандидата в диктаторы, кроме Росселя. Б. Лякор спрашивает, решится ли кто-нибудь отрицать военной способности и республиканизм Росселя, а также то, что «он один организовал то небольшое, что можно считать организованным». Одуано утверждает, что «Россель ничего не организовал», и что «за последние шесть дней положение вновь обострилось». Моро говорит, что «Клюзере и реакция мешали Росселю действовать. Диктатура носит временный характер и осуществляется под контролем Комитета общественного спасения». Председатель ставит вопрос на голосование. Домбровский получает 2 голоса, Россель—22 (при 3 против и 1 воздержавшемся)<sup>5</sup>.

Известие о решении Центрального комитета застало Росселя за обедом у Домбровского, в штаб-квартире последнего на Вандомской площади. Выслушав присланную к нему делегацию из пяти членов ЦК, он, после некоторого колебания, заявил: «Слишком поздно. Я уже не делегат: я подал в отставку». Некоторые стали горячиться, тогда он растолкал их и вышел<sup>6</sup>.

Вернувшись около 10 часов вечера в министерство, он нашел в своем кабинете всю Военную комиссию—Арнольда, Авриала, Тридона, Варлена, Делеклюза и Жоаннара. «Делеклюз объяснил цель их прихода. Россель сказал,

---

<sup>1</sup> Избранный на следующий день гражданским делегатом по военным делам Делеклюз вынужден был отказаться от звания члена К. О. С., после чего его место занял якобинец Билльорэ («Journal officiel», 13 мая 1871).

<sup>2</sup> «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 327.

<sup>3</sup> В это время в Центральном Комитете нац. гвардии было два Лякора. Lacord (Лякор) и В. Lacorre (Б. Лякор).

<sup>4</sup> Лиссагарэ («Истор. Париж. Комм.», стр. 304) иначе излагает ответ Росселя на упреки Б. Лякора: «Это был мой долг. Чем больше опасность, тем чаще нужно напоминать о ней народу».

<sup>5</sup> Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», pp. 254—258 (протокол заседания ЦК 9 мая).

<sup>6</sup> Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 304.

что хотя декрет об аресте несправедлив, он все-таки ему подчиняется. Он обрисовал положение дел на фронте, указал на все препятствия, с которыми ему приходилось сталкиваться, и обвинял Коммуну в слабости... Убеденная его доводами Комиссия удалилась в соседнюю залу. Делеклюз заявил, что не может решиться арестовать Росселя, не дав ему высказаться перед Коммуной»<sup>1</sup>. Его товарищи присоединились к нему, и Комиссия, имея в кармане ордер на арест Росселя, удалилась, упросив последнего исполнять обязанности делегата до следующего утра, на что Россель согласился при условии, чтобы двое из ее членов остались на ночь в министерстве на случай, если придется что-либо подписывать<sup>2</sup>.

Утром следующего дня (10 мая) Авриаль и Жоаннар, проводившие ночь в кабинете военного делегата, отвозят Росселя в Ратушу (чтобы выполнить, хотя бы с опозданием, приказ об его аресте и в то же время дать ему возможность высказаться перед Коммуной). Узнав, по прибытии в Ратушу, что Коммуна перенесла свое заседание с 10 часов утра на 1 час, а затем на 2 часа дня, оба члена Военной комиссии отводят своего пленника в квестуру, где и остаются с ним до 5 часов, чередуясь между собою. Россель,—не чувствуя себя ни вполне свободным, ни арестованным в настоящем смысле этого слова,—дружески беседует с рабочим-интернационалистом Авриалем о его жизненном пути, полном трудов и лишений, о его социальных опытах и идеях<sup>3</sup>.

В два часа дня открывается заседание Коммуны, которая почти единогласно (42 голосами из 46) избирает Делеклюза «гражданским делегатом по военным делам», а затем приступает к обсуждению доклада Курбе, которому еще 3 мая было поручено подыскать залу для заседаний, достаточно просторную, чтобы туда могла допускаться публика. В это время входит Жоаннар и докладывает, что Россель ожидает в квестуре. Делеклюз просит собрание выслушать объяснения бывшего делегата. «Мы будем судить его по нашему усмотрению, не обращая внимания на его речи»,—говорит Паскаль Груссе. Арнольд: «Если он не исполнил своих обязанностей по отношению к Коммуне, это вовсе еще не значит, что он был изменником». Феликс Пиа: «Если Коммуна оставит безнаказанным это дерзкое письмо (Росселя об отставке—А. М.), она погубит сама себя». Дюпон (повидимому, Кловисс): «Клюзере не был выслушан, почему же мы будем слушать Росселя?». 26 голосами против 16 предложение выслушать Росселя отклоняется; 34 голосами против 2 при 7 воздержавшихся Коммуна решает предать его суду военного трибунала

---

<sup>1</sup> Лиссагарэ. «История Парижской Коммуны», стр. 304 (перевод исправлен—А. М.).

<sup>2</sup> Prolès. «Le colonel Rossel», p. 102.—Россель ошибается, говоря, что в ночь на 10 мая при нем оставался только один член Военной комиссии («Mém. et corresp. de Rossel», p. 328).

<sup>3</sup> «Mém. et corresp. de L. Rossel», p.p. 328, 349—353 (Note sur Avrial).—По словам Баррона («Sous le drapeau rouge», p. 157), Авриаль—на-ряду с Ш. Жерарденом и Тридоном—был посвящен (до известной степени) в диктаторские замыслы Росселя.



и немедленно заключить в Мазас<sup>1</sup>. Покончив с делом Росселя, собрание предоставляет слово Алликсу, как вдруг в залу заседаний вбегает Авриаль с известием, что Россель и Ш. Жерарден скрылись.

Вот как это произошло. Шарль Жерарден, друг и единомышленник Росселя<sup>2</sup>, видя, какой оборот принимают дебаты, покинул встревоженный залу заседаний и бросился в квестуру. «Что постановила Коммуна?»—спросил его Авриаль. «Пока еще ничего»,—отвечал Жерарден и, заметив на столе револьвер Авриалья, обратился к Росселю: «Ваш часовой старательно выполняет свои обязанности». «Я не думаю,—живо возразил Россель,—чтобы эта предосторожность относилась ко мне. Впрочем, гражданин Авриаль, даю вам честное слово солдата—я не буду пытаться бежать». Сильно тяготясь своими обязанностями, Авриаль решил воспользоваться присутствием Жерардена и, оставив Росселя под наблюдением последнего, отправился в залу заседаний. Возвратившись в квестуру, он уже не застал там ни Росселя, ни его стражи<sup>3</sup>. «Я не мог вынести мысль, что мне придется предстать в качестве обвиняемого пред тем самым Колле, который на моих глазах так отчаянно трусил в Исси под гранатами противника»,—оправдывался впоследствии Россель<sup>4</sup>,—«и я решил тогда устраниться от суда Коммуны». Оба друга беспрепятственно вышли из Ратуши, сели в наемную карету и велели отвезти себя до угла бульваров Сен-Жермен и Сен-Мишель; здесь они расстались, и каждый отправился искать себе убежища<sup>5</sup>.

Известие, принесенное Авриалем, должно было как громом поразить Коммуну. По предложению члена Комитета общественного спасения, Гамбона, была принята резолюция, уполномочивавшая Бержере принять все меры

---

<sup>1</sup> Лиссагарэ. «Ист. Парижск. Коммуны», стр. 305 (перев. исправлен—А. М. Пролès. «Le colonel Rossel», p. 102—103.—Резолюция (ничем не мотивированная) о предании Росселя суду военного трибунала была опубликована в «Journal officiel» от 11/V—1871.

<sup>2</sup> Они подружились еще в конце марта, в бытность Росселя начальником XVII легиона, в котором Ш. Жерарден играл роль гражданского комиссара Коммуны (Пролès, «Le colonel Rossel», p. 41—42). Своим назначением на пост начальника главного штаба Россель был обязан наряду с Малоном и Ш. Жерардену (Малон «La troisième défaite du prolétariat français», p. 209). Последний, будучи формально беспартийным, принял деятельное участие в задуманном группой бланкистов заговоре против Коммуны, в каковой втянул и Росселя (Малон, p. 294; «Mém. et corresp. de Rossel», p. 312; Da Costa. «La Commune vécue», II, 191 и сл.). Не стоит ли это бегство в связи со страхом Жерардена перед возможностью раскрытия неудавшегося заговора?

<sup>3</sup> Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 305.

<sup>4</sup> «Mém. et corresp. de Rossel», p. 328. Утверждение Росселя, будто в том же заседании Коммуны (10 мая) был восстановлен военный трибунал под председательством полковника Колле, не соответствует действительности: восстановление военного трибунала было решено в вечернем заседании 9 мая, а состав его был определен декретом К. О. С. от 12/V («Journal officiel», 10 и 13 мая), причем обязанности председателя должен был исполнять не Колле, а Гуа (Колле вошел в состав этого трибунала в качестве «судьи»).

<sup>5</sup> «Mém. et corresp. de Rossel». p. 328. Пролès. «Le colonel Rossel», p. 103—104.

к розыску и аресту скрывшегося военного делегата<sup>1</sup> Задержать Росселя и Жерардена, однако, не удалось,—несмотря на все старания комиссаров Комитета общественного спасения<sup>2</sup> и самого Бержере, лично побывавшего во всех домах, адреса которых были ему указаны<sup>3</sup>.

Два дня спустя (12 мая) Комитет общественного спасения обратился к «парижскому народу» с прокламацией<sup>4</sup>, в которой открыто называл Росселя предателем и сообщником контрреволюции: «Не надеясь больше победить Париж силой оружия, реакция пытается дезорганизовать наши силы путем подкупа. Брошенные ею пригоршни золота нашли продажную совесть даже в нашей среде. Оставление форта Исси, о котором возвестил в гнусной афише сам предатель, было лишь первым актом драмы: за ним должно было последовать монархическое восстание внутри города и одновременно с этим сдача врагу городских ворот». Прокламация заканчивалась сообщением, что «все нити мрачного заговора, добычей которого едва не сделалась революция», находятся в руках Коммуны, так же, как и «большая часть преступников», и призвала «все живые силы революции» зорко следить за происками реакции<sup>5</sup>.

В середине мая версальские и парижские (как реакционные, так и некоторые революционные) газеты воспроизвели документ, подписанный именами двух членов Коммуны—Прото и Вермореля—и озаглавленный «Проект обвинительного акта против Росселя» (*Projet d'acte d'accusation Rossel*). В этом «документе» устанавливалось, что Россель уже давно находился в переговорах с Версалем, что ему был обещан миллион франков за сдачу каждого форта и два миллиона (плюс чин полковника)—за сдачу городских валов, и что он уже получил в счет этих сумм полумиллионный аванс. Характерно, что большинство парижских газет, напечатавших этот «обвинительный акт»,—впервые появившийся в бонапартистском органе «*Paris-Journal*»,—сочли нужным присовокупить, что они не ручаются за его достоверность. «Этот документ, несомненно, апокрифичен»,—заявляла газета «*Justice*»: «Мы наводили о нем справки: оказывается, граждане Прото и

---

<sup>1</sup> «*Le Mot d'Ordre*», 12 мая 1871 г.

<sup>2</sup> «*Le Vengeur*», 12 мая («*Dernière heure*») и 15 мая 1871 («*Dossier Rossel*»)

<sup>3</sup> «*Journal officiel*», 13/V—1871 г. (отчет о заседании Коммуны 12 мая) — Возможно, что полицейская префектура,—находившаяся в руках бланкистов и являвшаяся, наряду с газетой «Отец-Дюшен», очагом бланкистского заговора против Коммуны,—намеренно дала Росселю и Жерардену, участникам этого заговора, возможность скрыться (ср. Da Costa. «*La Commune véscie*», II, 198); характерно во всяком случае, что человек, покушавшийся на Монмартре на руководившего розысками Росселя и Жерардена комиссара К. О. С. Делашапеля, был, после непродолжительного ареста, отпущен на свободу префектурой («*Le Vengeur*», 15/V: *Dossier Rossel*).

<sup>4</sup> «*Journal officiel*», 13/V. А. Молок. «Парижск. коммуна в док. и мат.», стр. 435—436.

<sup>5</sup> Эта прокламация совершенно произвольно связывала между собою два одновременных, но независимых друг от друга факта—оставление форта Исси (вызванное не изменой, а физической невозможностью продолжать его оборону) и частичное раскрытие шпионской организации версальского агента Вейссе (арест его жены и сотрудника), о которой см. у Лиссага рэ («История Парижск. комм.», глава XXII)

Верморель даже и не подозревали о его существовании<sup>1</sup>». Коммуна обошла молчанием этот «документ» (который не попал в ее официальный орган) и ничего не сделали для того, чтобы опровергнуть; составить собственный обвинительный акт против скрывшегося военного делегата она так и не удосужилась.

Бегство Росселя и Шарля Жерардена, совпавшее с моментом крайнего обострения фракционной борьбы в недрах Коммуны, было превосходно использовано новым Комитетом общественного спасения, который с самого начала становится на путь расправы с оппозиционным «меньшинством»: декретом 25 флореаля (14 мая) состав Военной комиссии,—которую якобинец Билльорэ открыто обвинял в том, что она дала Росселю возможность бежать<sup>2</sup>,—был обновлен, и прежние пять членов (из коих четверо принадлежали к «меньшинству») заменены семью новыми (взятыми исключительно из среды «большинства»<sup>3</sup>. Ниже мы увидим, какие репрессии обрушились на газеты оппозиции, позволившие себе критику действий правящего «большинства» и открыто заявившие о своей солидарности с бывшим военным делегатом

#### 4

Буржуазный Париж был доволен. «Теперь можно ждать появления версальцев в Париже с минуты на минуту. Господа из Ратуши могут укладывать свои чемоданы»: вот какие разговоры, вызванные известием о падении Исси, подслушал 9 мая в округе Биржи агент информационного бюро при военном министерстве<sup>4</sup>. Каттюль Мендес, этот «внутренний версалец», откровенно признается в своих записках, какую радость доставило ему открытое письмо Росселя членам Коммуны: «...Оно сообщает мне... массу деталей, которые для меня отнюдь не неприятны, так как дают мне право предполагать, что царство наших тиранов близится к концу. Я узнаю, что если у Коммуны есть артиллерия, у нее нет зато артиллеристов. С неменьшим удовольствием узнаю я, что она располагает только семью тысячами бойцов: до сих пор я боялся, что у нее их найдется гораздо больше. Что касается жалоб гражданина Росселя на комитеты и на начальников легионов, которые заседают, когда надо действовать, то это приводит меня в восторг, так как убеждает меня в том, что Коммуна скоро окажется не в силах продолжать борьбу...»<sup>5</sup> С неменьшим удовлетворением встретила отставку Росселя уцелевшая еще в Париже реакционная пресса<sup>6</sup>, для которой арест и бегство военного деле-

<sup>1</sup> «La Justice», 17 мая 1871 г.

<sup>2</sup> «Journal officiel», 19/V—1871 г. (отчет о заседании Коммуны 17 мая).

<sup>3</sup> «Journal officiel», 16/V—1871 г.—Возможно, что и замена главного редактора «Journal officiel» прудониста Лонге якобинцем Везинье («Journal officiel», 13/V) была вызвана—по крайней мере, отчасти—тем, что он пропустил в газету афишу Росселя об оставлении Исси и не опубликовал соответствующего опровержения, выпущенного Коммуной (ср. «Le Corsaire», 15/V—1871).

<sup>4</sup> Dauban «Le Fond de la société sous la Commune», p. 258—259.

<sup>5</sup> C. Mendès. «Les 73 journées de la Commune» (Paris 1871); p. 259.

<sup>6</sup> См., напр., «L'Etoile» (от 11 мая), «L'Anonyme» (от 11 мая) и др.

гата послужили поводом к злорадным насмешкам и дешевым остромам по адресу Коммуны<sup>1</sup>.

Версаль ликовал. Официальный орган правительства Тьера писал: «Письмо, в котором он (Россель.—А. М.) излагает мотивы своего решения (отставки.—А. М.), бросает такой яркий свет на анархию и многовластие в правительстве инсургентов, которое тиранизирует Париж вот уже шесть недель, и на неизбежный и близкий конец восстания, что мы не колеблемся поместить его целиком»<sup>2</sup>. Замена военного специалиста Росселя журналистом Делеклюзом была принята как несомненное доказательство понижения сопротивляемости Парижа. 10 мая, сообщая своему послу в Лондоне герцогу Брольи о падении форта Исси, как о «крупном шаге на пути к развязке», глава исполнительной власти не скрывал своего удовлетворения по поводу отставки «диктатора Росселя»<sup>3</sup>. Один из близких к Тьеру людей, сенский префект Жюль Ферри, писал 15 мая из Версаля своему брату Шарлю, префекту департамента Соны-и-Луары: «Ванв пал, подобно Исси. Что падает в особенности, так это дух и организация. Вместе с Росселем всякое военное дарование покинуло их (коммунаров.—А. М.). (Avec Rossel toute capacité militaire s'est retirée d'eux)»<sup>4</sup>. Официозная газета «*Moniteur des Communes*», выходявшая при ближайшем участии министров Пикара и Жюля Симона, не скрывала своего ликования: «При создавшемся положении друзья порядка не могут не радоваться, видя, что военные дела Коммуны перешли из рук Росселя в руки гражданского делегата»<sup>5</sup>.

Сильнейшее возбуждение—правда, иного порядка—события 9 и 10 мая вызвали в революционном Париже.

Факт оставления Исси сам по себе не породил, правда—если верить сводке от 10 мая—«никакой паники» в рядах национальной гвардии<sup>6</sup>. Столь же спокойно отнеслась к нему революционная пресса. С военной точки зрения, это не такая уж большая потеря,—заявлял орган Валлеса<sup>7</sup>: разрушенный до основания форт не может служить больше ни парижанам, ни версальцам. «Отец «Дюшен» успокаивал своих читателей, уверяя их, что падение форта—пустяк (*c'est pas grand'chose*), так как версальцам досталась только «груда развалин», которые нетрудно будет отвоевать у них в любую минуту»<sup>8</sup>. Газета Делеклюза утверждала, что эвакуация эта огорчит нацио-

<sup>1</sup> См., напр., «*Le Siècle*» от 12/V «*Le Spectateur*» от 12/V («Grandeur et décadence du citoyen Rossel»), «*Le Corsaire*» от 13/V («Evasion du citoyen Rossel»). «*Le Républicain*» от 15/V 1871 г.

<sup>2</sup> «*Journal officiel de la République française*» (версальский), 11 мая 1871 г.

<sup>3</sup> «*Thiers au pouvoir (1871—1873). Texte de ses lettres. Annoté et commenté par G. Bouniols.* (Paris 1921) p. 63.

<sup>4</sup> Jules Ferry. «*Lettres (1871—1877)*» «*Revue de Paris*», 15 mai 1914, № 10, p. 261.

<sup>5</sup> Цитировано в «*Le Mot d'Ordre*» от 14 мая 1871 г.

<sup>6</sup> Dauban. «*Le fond de la société sous la Commune*», p. 265.—Сводка от 9/V (ibid., p. 259) отмечала, однако, что Париж «народных кварталов» недоволен ходом военных действий.

<sup>7</sup> «*Le Cri du Peuple*», 11 мая 1871 г.

<sup>8</sup> «*Le Père Duchêne*», 22 floréal an 79 (11 мая 1871 г.), p. 8.

нальных гвардейцев гораздо меньше, чем «известие о внутренних раздорах среди их избранников, вызванное дряблостью одних и преступным честолюбием других»<sup>1</sup>.

Совсем иное—гораздо более сильное—впечатление произвело падение Росселя. Если верить сводке информационного бюро от 10 мая, «народные кварталы» встретили известие об отставке военного делегата с большим сожалением (*on regrette beaucoup le citoyen Rossel*)<sup>2</sup>, сменившимся, однако, на следующий день—по получении известия об его бегстве—взрывом всеобщего осуждения<sup>3</sup>. По словам Малона, события 9 и 10 мая вызвали «некоторое брожение» среди пролетарских масс Монмартра и Батиньоля, каковое привело к посылке туда четырех батальонов Бельвилля (также пролетарского округа). Никаких беспорядков, впрочем, не произошло; положение было слишком напряженным, чтобы можно было, не совершая преступления, поднять какое-либо движение внутри города»<sup>4</sup>.

Революционная пресса горячо обсуждала события, расколовшись на два лагеря—за Росселя и против Росселя. «Отец Дюшен», ставший в эти дни как бы «органом Росселя»<sup>5</sup>, сопровождал публикацию его письма к членам Коммуны новыми резкими выпадами против Центрального комитета и начальников легионов и требованием их расстрела. Своего любимца газета убеждала взять назад свою отставку: «Если бы способных людей было сколько угодно, Отец Дюшен сказал бы тебе: уходи, если тебе так хочется. Но способные люди у нас наперечет! Если ты уйдешь, кого мы поставим на твое место? Не уходи, слышишь!»<sup>6</sup>.

Орган Делеклюза,—одобряя действия Росселя и, в частности, афишу об оставлении Исси<sup>6</sup> («национальные гвардейцы, героически гибнущие на фронте, имеют право знать истину»),—резко порицал Коммуну за ее попытку скрыть от общественного мнения действительное положение вещей и клеймил членов Центрального комитета и легионных советов, которые, будучи круглыми невеждами в военном деле, «хотят, во что бы то ни стало, на истерзанном теле.. героической Коммуны производить испытание своего военного гения». Газета требовала от Коммуны, если она хочет «серьезно защищать Париж», принятия следующих трех мер: 1) сохранение Росселя на посту военного делегата, «поскольку этот гражданин не сделал ничего такого,

<sup>1</sup> «Le Réveil du Peuple», 11 мая 1871 г.

<sup>2</sup> Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 265.—Однако уже 12 мая информационное бюро констатировало (*ib.*, p. 282), что о Росселе начинают забывать.

<sup>3</sup> *Ibidem*, p. 276; см. также сводку от 12/V (*ib.*, p. 281).

<sup>4</sup> Malon. «La Troisième défaite du prolétariat français», p. 312.—По словам газеты «Etoile» (от 12/V—1871 г.), брожение охватило Монмартр и Бельвилль и носило явно сочувственный Росселю характер (вплоть до стрельбы по агентам полиции, отправленным на розыски бывшего военного делегата и его товарища по бегству); для успокоения умов Центральный комитет вынужден был разослать по округам своих делегатов (членов), которым удалось к ночи справиться с волнением.

<sup>5</sup> М. Вильом. «В дни Коммуны», стр. 146.

<sup>6</sup> «Le Père Duchêne», 21 floréal an 79 (10 мая 1871 г. 4).

<sup>7</sup> Газета Валлеса также одобряла расклейку этой афиши («Le Cri du Peuple», 11/V—1871).

что могло бы лишить его доверия Коммуны»; 2) организация «контрольного комитета» (Comité de contrôle), в составе трех членов Коммуны—Делеклюза, Антуана Арну [член обоих Комитетов общественного спасения, бланкист] и Прото [делегат юстиции, бланкист], который, не вмешиваясь в действия военного делегата, мог бы, в случае надобности, потребовать его отрешения, 3) «безусловное воспрещение Центральному комитету вмешиваться в управление военным ведомством, под страхом немедленного роспуска...» Если эти меры не будут приняты и «если неограниченные полномочия в военной области не будут вручены единственному человеку, одновременно активному, энергичному и способному, которого мы имеем»—«революция запутается в собственных сетях, и мы падём бессильными перед пушками прогивника »<sup>1</sup>

«Что раз'едаёт Коммуну»,—писал Рошфор в своем органе, выражавшем интересы симпатизировавших Коммуне слоев радикальной мелкой буржуазии и демократической интеллигенции,—«разлагает Центральный комитет, ослабляет национальную гвардию и, в конечном счете, губит республику,—это не пруссаки, стоящие у наших ворот, не бомбы Тьера, не законы Дюфора, что нас убивает—так это взаимное недоверие...»<sup>2</sup>.

Газета высказывалась за необходимость военной диктатуры<sup>3</sup>.

Лево-прудонистский орган «Коммуна», печатая письмо Росселя от 9 мая и вполне с ним соглашаясь, также приходил к выводу, что «в военном министерстве нужен диктатор», будет ли то Россель или кто-нибудь другой, диктатор этот должен обладать следующими качествами: преданностью республике, хладнокровием, энергией и военными познаниями<sup>4</sup>.

«Отец Дюшен» восклицал: «Мы не нуждаемся в 36 диктатурах! Нам нужна одна диктатура, единственная, которая имеет право на существование сегодня ., диктатура военного ведомства под контролем гражданской комиссии! .. Один хозяин—военный делегат! Одно чистолубие—спасти революцию! Чтобы быть свободными завтра, нам нужно всем безоговорочно подчиняться сегодня!»<sup>5</sup>.

Среди этого хора сочувственных Росселю голосов резко выделялся своим неприменно-враждебным тоном орган Феликса Пиа. Публикуя афишу Росселя об оставлении форта Исси и придираясь к ее неудачной редакции, он восклицал: «Крик торжества вместо признания поражения!... От этих двух слов — развевается и оставленный — разит изменой! (Ces deux mots flotte et abandonné suent la trahison)» В дальнейшем Россель сравнивался с маршалом Базеном, предательская сдача которым Меца (в октябре 1870 года) была публично раскрыта Феликсом Пиа (в его газете «Combat» от 27/X) в тот момент, когда Правительство Национальной

---

<sup>1</sup> «Le Réveil du Peuple», 11 мая 1871 г. (ст. «Le Salut»).

<sup>2</sup> «Le Mot d'Ordre», 12 мая 1871 г. (статья «Soupçonneurs et soupçonnés»). — «Отец Дюшен» в № от 13 мая заявлял о своем согласии с этой статьей «Mot d'Ordre» («Le Père Duchêne», 24 floréal an 79, p. 7).

<sup>3</sup> «Le Mot d'Ordre», 11 мая 1871 г. (ст. «La Démission de Rossel»).

<sup>4</sup> «La Commune», 11 мая 1871 г.—См. еще «La Commune», 12/V—1871 г. («La Démission de Rossel»).

<sup>5</sup> «Le Père Duchêne», 24 floréal an 79 (13/V—1871), p. 7.

Обороны еще скрывало от масс эту катастрофу. В заключение, редактор «Vengeur» оптимистически уверял своих читателей в том, что отставка Росселя не будет иметь никаких последствий для Коммуны, которая сейчас сильнее, чем когда-либо <sup>1</sup>.

Эта статья была лишь началом кампании Феликса Пиа против бывшего военного делегата. 12 мая, печатая совершенно фантастические подробности о бегстве Росселя и Жерардена, он ставил последнее в связь с маневрами внутренней контрреволюции и деятельностью версальских агентов <sup>2</sup>; 13-го утверждал, что «план Росселя» есть продолжение «плана Базена» и «плана Трошю» и пытался, с помощью документов, доказать, что «Россель хотел сдать Исси» <sup>3</sup>. 16-го в длинной статье, ловко подтасовывая факты и давая им тенденциозное освещение, он давал обзор деятельности Росселя в качестве начальника главного штаба, председателя военного трибунала и военного делегата и обвинял его в бонапартистских замыслах («этот белокурый диктатор не что иное, как обезьянье подражание корсиканцу»). Наконец, газета заводит особый отдел под названием «Дело Росселя».

На-ряду с газетой Пиа, в кампании против Росселя приняли участие и некоторые другие органы революционной прессы, в том числе—якобинский листок «Salut public» (выходивший под редакцией Гюстава Марото) <sup>4</sup> и якобинская же газета «Paris libre» (ее издавал член Коммуны Везинье), опубликовавшая открытое письмо двух членов Центрального артиллерийского комитета, которые поздравили Коммуну с отрешением Росселя и настаивали на том, чтобы во главе военного ведомства была поставлена «гражданская комиссия» и чтобы к действующей армии были прикомандированы «гражданские комиссары» <sup>5</sup>. Правопрудонистская «Justice» <sup>6</sup>—в отличие от других органов оппозиционного меньшинства Коммуны—стала в этом вопросе на сторону Феликса Пиа и ортодоксальных якобинцев. Эта газета резко осуждала поведение Росселя, называя его заявление об отставке «возмутительным» (abominable et odieux) <sup>7</sup>; печатала полную небылиц «биографию» бывшего военного делегата, в которой доказывалось, что Россель—«ярый бонапартист», человек, мечтавший «о роли Бонапарта, а может быть даже и Вашингтона Коммуны» <sup>8</sup>; вступила по этому вопросу в резкую полемику с газетой Делеклюза <sup>9</sup>.

---

<sup>1</sup> «Le Vengeur» 11 мая 1871 г. (статья «Rossel»).

<sup>2</sup> «Le Vengeur», 12 мая 1871 г. («Dernière heure»).

<sup>3</sup> «Le Vengeur», 13 мая 1871 г. (статья «Preuves»).

<sup>4</sup> «Le Salut Public», 19/V—1871 г. (статья Гюст. Марото «Le Dossier de Mégy»); 22/V 1871 г.

<sup>5</sup> «Paris libre», 13 мая 1871 г.

<sup>6</sup> Негласным редактором этой газеты, выходившей анонимно, был Верморель A. Gagnière. «Histoire de la presse sous la Commune», p. 282. P. Laroisse. Grand dictionnaire universel du XIX siècle, tome XV, p. 914.

<sup>7</sup> «La Justice» 12/V—1871 г. («La fuite de Rossel et du citoyen Gérardin, ex-membre du Comité de salut public»).

<sup>8</sup> «La Justice», 13/V—1871 г. (статья «Rossel»).

<sup>9</sup> «La Justice», 15, 16, 18/V—1871 г.

Четыре влиятельные газеты различного направления — радикально-демократический «*Mot d'Ordre*», якобинский «*Réveil du Peuple*», бланкистский «Отец Дюшен», бакунистская «*Sociale*» — горячо отстаивали бывшего военного делегата, а с ним также идею сильной и строго-централизованной военной власти.

Прежде чем признать Росселя изменником, — писал орган Рошфора, — «мы подождем, пока нам представят несколько более серьезное преступление, чем напечатание какой-то афиши в десяти тысячах экземпляров<sup>1</sup>. «*Réveil du Peuple*» заявлял: «...Что бы он (Пиа — А. М.) ни делал с этой пресловутой фразой — «трехцветное знамя развевается над фортом Исси, оставленным его гарнизоном», — общественное мнение не увидит в этих девяти словах ничего другого, кроме взрыва — может быть, неосторожного — сильнейшей досады, и самый ядовитый инквизитор никогда не скажет, что от них разит изменой... Дисциплина — пусть назовут нас за это Базеном — единственная вещь, которой недостает 200 000 вооруженных парижан. Спросите тех, кто ведет людей в бой: Ла-Сесилиа, Домбровский и другие скажут вам то же самое, что Россель...»<sup>2</sup>. Та же газета выставила требование немедленного разбора дела Росселя<sup>3</sup> и взяла на себя труд доказать «всю ложность» «биографии» бывшего военного делегата, опубликованной правопрудонистским органом «*Justice*»<sup>4</sup>.

С неменьшей страстью отстаивал Росселя и нападал на Коммуну «Отец Дюшен», опубликовавший 12 мая<sup>5</sup> следующее полученное им от Росселя письмо<sup>6</sup>: «Я — здесь поблизости, мне достаточно сле-

<sup>1</sup> «*Le Mot d'Ordre*», 13 мая 1871 («*Nous demandons des preuves*»).

<sup>2</sup> «*Le Réveil du Peuple*», 12/V 1871 г. (статья «*L'Organisation*»).

<sup>3</sup> «*Le Réveil du Peuple*», 12/V — 1871 г. («*Un dernier mot*»). — На скорейшем расследовании дела Росселя настаивала в № от 14 мая и другая революционная газета якобинского направления — «*L'Estafette*» (статья «*La colère du Comité de salut public*»).

<sup>4</sup> «*Le Réveil du Peuple*» 14/V 1871 г. («*Le colonel Rossel. Réponse à la Justice*»). — 14 мая Делеклюз — открытым письмом на имя редактора «*Vengeur*» — заявил, что он остается «совершенно чуждым» политической линии, усвоенной газетой «*Réveil du Peuple*» («*Le Vengeur*», 15/V — 1871: «*Dossier Rossel*»); это заявление побудило газету «*La Justice*» (в № от 16/V) заявить, что с этого момента она прекращает всякую полемику с «*Réveil du Peuple*».

<sup>5</sup> «*Le Père Duchêne*», 23 floréal an 79 (12/V — 1871), p. 5 — 7.

<sup>6</sup> Публикацию этого письма газета сопровождала резкими выпадами против членов Коммуны и выражением уверенности, что нанесенный им рукой военного делегата «удар хлыста» послужит им на пользу.

<sup>7</sup> Письмо, написанное Росселем Гайяру-старшему после своего бегства из Ратуши и пересланное 12 мая Делеклюзом Комитету общественного спасения, показывает, что бывший военный делегат действительно не переставал интересоваться обороной Парижа и давать Коммуне — через своего приятеля — оправдавшиеся потом предостережения и ценные технические указания, которые — по мнению военного историка Коммуны Bourelly («*Le Ministère de la Guerre*», p. 151 — 153) — могли бы предотвратить катастрофу 21 мая, если бы только были использованы. Маловероятным представляется, однако, утверждение биографа Росселя Prolès («*Le colonel Rossel*», p. 107 — 108), будто, начиная с 11 мая, Делеклюз каждый вечер тайком посещал своего предшественника, который давал ему технические советы, облегчавшие старому якобинцу исполнение его обязанностей военного делегата.



лать один шаг, чтобы снова очутиться в Париже; у меня только одна забота—оборона<sup>1</sup>. Если меня будут судить, я вызову, в качестве свидетелей, всех генералов Коммуны и всех членов Военной комиссии. Офицеры и чиновники министерства, к несчастью, слишком привязаны ко мне. Постарайтесь передать им, что я приказываю им оставаться на своих постах. Оборона покоится в настоящую минуту единственно на плечах народа»<sup>1</sup>.

На следующий день—13 мая—«Отец Дюшен», выведенный из себя появившеюся накануне прокламацией Комитета общественного спасения, разразился следующей яростной тирадой:

«...Как, вы объявляете гражданина Росселя предателем открыто, в афише, и у вас нехватает духа дать парижскому народу доказательства!

«Вы—просто негодяи!

«Отец Дюшен настоятельно требует у вас доказательств. Дайте их! Или он будет думать, что у вас их нет.

«Если сегодня к вечеру вы не представите доказательств измены Росселя, Отец Дюшен объявляет, что вы—обманщики! Если же вы их представите, Отец Дюшен первый потребует вместе с вами головы Росселя.

«В противном случае, он вызовет к себе Росселя. Отец Дюшен и Россель укроются в Бельвилле<sup>2</sup>, среди патриотов, и тогда граждане Бельвилля примут против вас такие меры, которых потребуют интересы города и революции!»<sup>3</sup>.

Эта статья,—принадлежавшая, повидимому, перу Вермеша и вызвавшая между прочим резкий протест со стороны члена Коммуны и ЦК Арнольда<sup>4</sup>,—чуть не стоила газете жизни. «Гневные выпады нашей газеты обеспокоили Ратушу»,—рассказывает Вильом: «Однажды вечером друзья предупредили меня, что уже поднят вопрос о нашем аресте... Я бросился в делегацию по просвещению, к Вальяну, который продиктовал своему секретарю Констану Мартену записку к Эду, бывшему тогда членом Комитета общественного спасения. Вальян подписал ее. Я посетил Эда, и все уладилось... Отцу Дюшену не

---

<sup>1</sup> Цитируя это письмо Росселя, якобинский листок «Estafette» (в № от 14/V) выражал свое сомнение в том, чтобы оно исходило от «изменника».

<sup>2</sup> Округ Бельвилль (XIX)—один из самых пролетарских в Париже.

<sup>3</sup> «Le Père Duchêne», 24 floréal an 79 (13 мая 1871), p. 5.—Записки М. Вильома («В дни Коммуны», стр. 166) подтверждают тот факт, что редакция «Отца Дюшена» в лице Вермеша поддерживала сношения с Росселем и после его бегства из Ратуши и готовила—в середине мая—задуманное еще в конце апреля группой бланкистов выступление против парламентарной Коммуны.

<sup>4</sup> «L'Estafette», 20/V 1871 г. (открытое письмо Арнольда Эмберу и Вермешу, главным редакторам «Отца Дюшена»).—В ответ на этот протест редакция «Отца Дюшена» заявляла, что и в дальнейшем будет поддерживать каждого военного руководителя Коммуны и защищать его от необоснованных обвинений в измене «L'Estafette» от 21/V).

оставалось теперь ничего другого, как поддерживать Делеклюза, который сменил Росселя»<sup>1</sup>.

То, что сошло бланкистскому органу, поспешившему, впрочем, «загладить» свою «вину» перед «большинством» Коммуны и ее Комитетом общественного спасения исключительно резким выступлением против оппозиционного «меньшинства»<sup>2</sup>, — не сошло бакунистской газете, на столбцах которой Андре Лео повела страстную борьбу против военной политики правящей фракции Коммуны—в частности, против травли Росселя<sup>3</sup>.

«Перед лицом всех обвинений, всех угроз, направленных против гражданина Росселя,—писала она 13 мая<sup>4</sup>,—мы останемся верны до конца!.. Мы заявляем, что его единственной ошибкой было то, что он не использовал до конца своих полномочий военного делегата, чтобы одним ударом покончить и с Центральным комитетом и с начальниками легионов, которые во все время его министерства только ставили ему палки в колеса. Если бы он это сделал, он был бы еще с нами и помог бы нам выйти из того тупика, в который мы зашли»<sup>5</sup>.

Своего апогея кампания газеты «La Sociale» в защиту Росселя, как жертвы якобинско-бланкистского руководства Коммуны, достигла в статье (без подписи) под резким заглавием «Подлецы»<sup>6</sup>.

Автор заявляет, что «раз члены Коммуны... не дают путем бесспорных доказательств удовлетворения общественному мнению, естественно взволнованному» тяготеющим над бывшим главнокомандующим обвинением,—значит это «обвинение ложно», и Коммуна «употребила во зло доверие народа, лишив его меча, полезного для защиты города».

«Вы называете его диктатором! Мы утверждаем, что он был им слишком мало. Неограниченный хозяин в военной делегации, он должен был взять в свои руки всю полноту власти, перешагнуть через все остальное, а вас, члены Комитета общественного спасения, вас, члены Центрального комитета, всех вас, расшитых с головы до ног галунами, бездарных и злобных дураков, которые стесняли его движения, мешали военным действиями...,—не медля ни минуты, приказать расстрелять!..

«Только диктатура поможет нам выйти из борьбы, которая к несчастью стоила нам уже стольких жертв; только диктатура ответит от нас бич, который грозит нас уничтожить...

«Народ ждет немедленных, исчерпывающих раз'яснений! Тем хуже для вас, если вы окажетесь единственными участниками заговора, который затеяли. Мазас достаточно велик, чтобы вместить вас, и вы будете вынуждены об'явить народу, что вы солгали!»

---

<sup>1</sup> М. Вильом «В дни Коммуны», стр. 146—147.

<sup>2</sup> «Le Père Duchêne», 28 floreal an 79 (17 мая 1871), р. 1—4.

<sup>3</sup> См. А. Молок. «Андре Лео. Из истории революционно-социалистической публицистики Парижской Коммуны 1871 г.»: «Под Знаменем Марксизма», 1928, № 3.

<sup>4</sup> «La Sociale», 13/V—1871 (статья «Le citoyen Rossel»).

<sup>5</sup> В № от 15 мая (в статье «Une enquête urgente») та же газета выставила требование немедленного следствия над каждым из членов ЦК национальной гвардии.

<sup>6</sup> «La Sociale», 16 мая 1871 («Les Infâmes»).

Эта—неслыханная по своей резкости—статья не осталась безнаказанной: через два дня «La Sociale» перестала существовать<sup>1</sup>.

Обзор дискуссии, которая велась в парижской революционной прессе между 10 и 20 мая по вопросу о действиях и личности скрывшегося военного делегата, выявил пред нами две, прямо противоположные, точки зрения. Но та же дискуссия вскрыла существование в общественном мнении революционного Парижа двух точек зрения и по важнейшему принципиальному вопросу военной политики—вопросу о том, как должен быть построен руководящий военный аппарат революции, и какое место должны занимать в нем военные специалисты. На этом последнем расхождении мы и остановимся теперь и увидим, что оно проливает некоторый новый свет на характер фракций и группировок в Коммуне.

Чистые (ортодоксальные) якобинцы, задававшие—вместе с бланкистами-диссидентами<sup>2</sup> (Вальян, Ранвье, Ант. Арно и нек. др.)—тон в Коммуне и ее органах с начала и особенно середины мая, считали, что в основу военной политики должны быть положены следующие бесспорные для них принципы: недоверие к профессиональным военным, раздробление командования и руководства, управление военным ведомством посредством сети гражданских органов. Загипнотизированные традициями великой революционной диктатуры 1793—1794 годов,—которая ставила во главе военного ведомства инженера (Карно) и посылала на гильотину генералов, разбитых неприятелем,—якобинцы 1871 года готовы были в каждом кадровом офицере, перешедшем на сторону революции, видеть либо Кюстина, либо Дюмурье, либо Бонапарта. С исключительной яркостью это принципиальное недоверие якобинцев Коммуны к военным специалистам, усиленное еще рядом неудачных опытов (с Люлье, затем Кюзере, наконец, Росселем) и нашедшее свое официальное выражение в мотивировочной части декрета Комитета общественного спасения (от 15 мая) о прикомандировании к каждой из трех действующих армий по гражданскому комиссару, отразил в своих статьях по поводу кризиса 9—10 мая Феликс Пиа. «Коммуна приняла меру, превосходную как в принципе, так и в частности»,—воскличал он 12 мая: «Она назначила гражданского делегата по военным делам на место полковника Росселя, и она выбрала на этот пост гражданина Делеклюза...»<sup>3</sup>. «...Гражданская делегация по военным делам есть плотина против честолюбивых происков

<sup>1</sup> Последний (48-й) № газеты вышел 17 мая. Была ли она закрыта распоряжением Коммуны, или закрылась сама, во-время предупрежденная о грозящем ее редакции аресте (как то случилось, напр., с «Mot-d'Ordre»—см. Rochefort. «Les Aventures de ma vie», III, 81—82). Вероятнее—второе: по крайней мере, ни в одном из известных нам постановлений Коммуны о закрытии тех или иных газет «La Sociale» не фигурирует.

<sup>2</sup> Под бланкистами-диссидентами я разумею здесь (как и всюду) тех из учеников и последователей «вечного узника», которые — в отличие, напр., от группы работников полицейской префектуры и редакции газеты «Отец-Дюшен» — порвали с заговорщицко-путчистскими методами бланкизма 30—40 годов.

<sup>3</sup> «Le Vengeur», 12 мая 1871 (статья «Incompatibilité») (пазрядка моя. — А. М.).

военщины»,—писал он 13-го: «Генералы против своей воли тянутся к диктатуре, как черепахи тянутся к морю...»<sup>1</sup>. «Солдат— вот где кроется опасность для республики!.. Кто превратил первую республику в империю? Солдат. Кто совершил 18 брюмера? Солдат. Кто дал разбить нас при Ватерлоо? Солдат. Кто совершил 2 декабря? Солдат. Кто довел нас до поражения при Седане? Солдат. Кто сдал Париж 1 марта? Кто хотел его обезоружить 18? Кто осаждает его сейчас? Солдат, еще раз солдат и снова солдат... Со времени 13 вандемьера каждый солдат мечтает о маршальском жезле, каждый артиллерийский офицер—о троне. Такова уже самая сущность этого типа, общая всем им черта, совершенно независимая от тех или иных индивидуальных особенностей<sup>2</sup>...»

Отражая анархические тенденции полупролетарских масс Парижа, правые прудонисты подавали в этом вопросе руку якобинцам-традиционалистам, невольным проводникам мелкобуржуазного влияния на Коммуну. Если Делеклюз возмущался тем, что военный элемент господствует над гражданским, хотя должно было бы быть наоборот<sup>3</sup>,—то и орган Вермореля писал о «превосходстве штатских над военными в войне революционной, то-есть оборонительной<sup>4</sup>». Диктатура не спасет Коммуну; наоборот, она ее окончательно погубит,—заявляла правопрудонистская газета «Justice»: «Революция 18 марта вышла из анархии; она живет и держится посредством анархии; через анархию она и восторжествует (*c'est par l'anarchie qu'elle triomphera*)»<sup>5</sup>.

Военной платформе, на которой «чистые» якобинцы сошлись с правыми прудонистами, противостояла военная платформа, за которой стояли не менее разнородные элементы—«чистые» бланкисты («Отец Дюшен») и левые прудонисты («Sociale» и «Commune»), якобинцы-диссиденты<sup>6</sup> («Réveil du Peuple») и радикальные демократы («Mot d'Ordre»). В отличие от первой, эта платформа была свободна от принципиального недоверия к специалистам, признавала вред комитетчины, ратовала за необходимость сильного и строго-централизованного руководства военным ведомством. Если сторонники этой платформы и употребляли выражения «диктатура» и «военная диктатура», то понималась эта последняя не как замена существующих революционных органов и организаций (в том числе и Коммуны) единоличной властью одного из генералов или коллективной властью группы революционеров при участии этого генерала (хотя отдельные представители этой платформы—как, например, Андре Лео и редакция «Отца Дюшена»—договаривались подчас и до

<sup>1</sup> «Le Vengeur», 13 мая 1871 (статья «Preuves»).

<sup>2</sup> «Le Vengeur», 16 мая 1871 (статья «Soldat et Commune»).

<sup>3</sup> Procès-Verbaux de la Commune de 1871, tome I, p. 376 (протокол заседания 22 апреля): «C'est l'élément militaire qui domine, et c'est l'élément civil qui devrait dominer toujours!».

<sup>4</sup> «La Justice», 13 мая 1871 (статья «La Défense de Paris»).

<sup>5</sup> «La Justice», 12 мая 1871 (статья «La Commune»).

<sup>6</sup> Под якобинцами-диссидентами я разумею здесь (как и всюду) тех революционных демократов, которые—в отличие от традиционалистов типа Пиа и Делеклюза сумели освободиться от рабского подражания «великим предкам» и приблизиться к починанию своеобразия революции 18 марта как революции пролетариата

этого), а лишь как состоящая под контролем Коммуны диктатура военного делегата в военном министерстве. Страх перед честолюбием кадровых офицеров и паникерские разговоры о 18 брюмера были совершенно чужды этой платформе. Военный переворот, направленный против Коммуны, который был бы осуществлен с помощью национальной гвардии, то-есть вооруженных пролетарских и полупролетарских масс революционного Парижа, она—справедливо—объявляла невозможным, и все разговоры о нем—«детским страхом»: «Даже победоносный генерал, имея под своим начальством одну лишь национальную гвардию, не может произвести государственного переворота..., тем более, что театром военных действий является один Париж и в окружающей обстановке нет ни одной предпосылки для возникновения действительной диктатуры»,—категорически заявляла газета «Коммуна»<sup>1</sup>. «Есть ли основание опасаться»,—писал в своей газете Лиссагарэ (типичный якобинец-диссидент),—«чтобы гражданская милиция, составленная из отцов и мужей, сражающихся в двух шагах от своего очага за свои политические вольности, согласилась последовать за каким-нибудь военным честолюбцем в задуманном им предприятии»<sup>2</sup>. «... С армией, состоящей из граждан, нет места ни для военных переворотов, ни для диктаторов»,—замечал и «Réveil du Peuple»<sup>3</sup>. В свою очередь, агент информационного бюро, отмечая растущее в «народных кварталах» недовольство комитетчиной, утверждал, что «народ не боится диктатуры в стране, где нет другой вооруженной силы, кроме национальной гвардии», и выражает желание, «чтобы комитеты и подкомитеты, если они будут продолжать существовать, очистили место генералу, способному и республиканскому, который своей головой ответит за успех»<sup>4</sup>.

Казалось бы, что военная платформа бланкистов, левых прудонистов и якобинцев-диссидентов,—встречавшая, повидимому, известное сочувствие в некоторых слоях передовых рабочих<sup>5</sup> и приближавшаяся к революционно-пролетарскому разрешению вопроса,—должна была взять верх над платформой староякобинской и старопрудонистской. Случилось, однако, обратное. Как и в ряде других моментов военно-политической—и не только военно-политической—истории Коммуны, вчерашний и сегодняшний день оказались и в этом случае сильнее завтрашнего, мелкобуржуазный анархизм и предпролетарский партикуляризм—сильнее пролетарского централизма. Руководимое якобинцами-традиционалистами и бланкистами-

<sup>1</sup> «La Commune», 12 мая 1871 (статья «La Démission de Rossel»).

<sup>2</sup> «Le Tribun du Peuple», 18 мая 1871.

<sup>3</sup> «Le Réveil du Peuple», 12 мая 1871.—В таком же духе высказывались газета «L'Estafette» в № от 12/V («Au Père Duchêne») и Кюзере в письме к Делеклюзу от 16/V («Enq. parl. sur l'insur. du 18 mars», p. 515).

<sup>4</sup> Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 265 (сводка от 10 мая).—Сводка от 11 мая (ibid., p. 276) констатировала, однако, отрицательное отношение «народных кварталов» к идее какой бы то ни было военной диктатуры.

<sup>5</sup> Издаваемый XI округом (в состав которого входило пролетарское Сент-Антуанское предместье) «орган социальных требований» «Le Prolétaire» (в № от 19 мая) требовал, чтобы военная диктатура была вручена «одному человеку, а не толпе суетных и завистливых болтунов», и чтобы этот диктатор, как и его агенты, был обязан представлять отчеты и находился «под неусыпным наблюдением народа».

диссидентами правительство Коммуны, отделавшись от беспокойного главнокомандующего и раздавив поддерживавшую его оппозицию слева (реорганизация Военной комиссии, закрытие газет «Sociale» и «Commune», раскол в редакции *Réveil du Peuple*), вынужденный отказ «Отца Дюшена» от своей прежней линии), еще решительнее вступило на путь, указанный ему Феликсом Пиа и его «школой»: за назначением гражданского делегата по военным делам последовали создание института «гражданских комиссаров» при командующих тремя действующими армиями Коммуны<sup>1</sup> и возраставшее со дня на день усиление роли Центрального комитета национальной гвардии в управлении военным ведомством.

## 5

Как оценивать деятельность Росселя на посту военного делегата и его роль в военной истории Коммуны вообще? Прежде чем ответить на этот вопрос, заслушаем мнения ряда лиц, принадлежащих как к тому, так и к другому лагерю.

Версальцы,—которые, как мы видели, считали Росселя опасным для себя противником и встретили его падение со вздохом облегчения,—готовы воздать должное военным дарованиям молодого офицера, чтобы тем резче оттенить несостоятельность военной организации и военных сил Коммуны вообще. «Он был единственным военным в настоящем смысле этого слова, которым располагало восстание»,—пишет журналист Филибер Одебран: «Он был выдающимся офицером. Если бы успех был возможен с тем негодным материалом, который был у него под руками, он был бы ему обеспечен»<sup>2</sup>. Немецкий буржуазный историк Коммуны Бернгард Беккер называет Росселя «самым способным человеком во всем ее войске (*der fähigste Mann in ihrem ganzen Heere*)»<sup>3</sup>.

Коммунары, не отрицая энергии и способностей, проявленных Росселем на посту делегата, подчеркивают, однако, с большим единодушием его предвзятости кадрового офицера и непонимание им духа национальной гвардии, как и особенностей революционной войны.

«Россель был военным и только военным»,—пишет Арну (член Коммуны, правый прудонист): «Он никогда не верил в баррикады, как солдат, не любя и не понимая этой уличной борьбы, которая является стихией народа, особенно народа парижского»<sup>4</sup>. Он никогда не понимал разницы между национальной гвардией и дисциплинированной военной силой»,—констатируют

<sup>1</sup> Сам по себе, институт комиссаров при командирах (как показал опыт гражданской войны в России 1917—1921 гг.) не является чем-то чуждым пролетарской революции, а в известный период ее прямо необходим. Беда Коммуны заключалась лишь в том, что она не имела правильного представления о том, где должна проходить грань между полномочиями военных специалистов и полномочиями органов пролетарской диктатуры (в данном случае—комиссаров).

<sup>2</sup> Ph. Audebrand. «Hist. intime de la révol. du 18 mars» (Paris 1871), p. 171.

<sup>3</sup> B. Becker. «Geschichte und Theorie der Pariser revolutionären Kommune des Jahres 1871» (Leipzig 1879), S. 196.

<sup>4</sup> А. Арну. «Народная история Парижской коммуны», стр. 180 (по рус. изд. 1919 г.) (перевод исправлен.—А. М.).

вала еще во время Коммуны газета Вермореля (правопрудонистская)<sup>1</sup>. «Он тоже (подобно Ключере. А. М.), кажется убежден, что самое для него главное—это иметь в руках о р у д и е, которое не рассуждает и готово слепо подчиняться, между тем как только сознательное подчинение может дать революционной армии шансы на победу»,—отмечает в своем дневнике, который он вел во время Коммуны, Лефрансэ (член Коммуны, левый прудонист): «Горячий и убежденный патриот, Россель был бы превосходным командующим армией в обыкновенной войне в защиту национальной территории. Но как же сможет установиться между ним и его войсками столь необходимая для успеха общность идей, если он абсолютно чужд... тому делу, за которое мы боремся?..<sup>2</sup> Луиза Мишель (примыкавшая во время Коммуны к бланкистам) справедливо указывает, что если Россель олицетворял регулярную армию, а Делеклюз—армию революционную, то «против таких врагов, как версальцы... необходимы были обе армии—одна из стали, другая из пламени»<sup>3</sup>. Лиссагарэ (якобинец-диссидент) упрекает Росселя в том, что «так же, как Ключере, он не сумел создать новой тактики в этой беспрецедентной борьбе». «Дельная голова, каким его считали, он оказался доктринером, мечтающим о правильных сражениях, рабски следующим указаниям учебников, оригинальным лишь по своему поведению и способу выражаться»<sup>4</sup>. Исключение составляет отзыв Гастона Да Коста («чистого» бланкиста), который приходил к выводу, что деятельность Росселя на посту военного делегата была во всех отношениях безупречной, и что «если он потерпел неудачу (в своих организационных планах—А. М.), то в этом следует винить единственно лишь Коммуну, которую ему не удалось ни убедить, ни опрокинуть»<sup>5</sup>.

Интересно, что, критикуя Росселя как военного делегата, коммунары все же с сожалением говорят об его отставке. «Россель заслуживал лучшего, чем заключения в Мазас, и его отставка была несчастьем для дела революции»,—пишет Малон (член Коммуны, бакунист)<sup>6</sup>. Это была чувствительная для нас потеря»,—признается Луиза Мишель: «Об этом достаточно ярко говорит тот факт, что версальцы расстреляли Росселя»<sup>7</sup>. «В энергии этому генералу революции, во всяком случае, отказать было нельзя; между тем, энергия-то как-раз и нужна была больше всего в этот критический момент»,—отмечает сочувствующий Коммуне радикально-демократический публицист Рошфор<sup>8</sup>. «Я до сих пор убежден, что если бы этот молодой военачальник с самого начала стоял во главе обороны Парижа, вторая осада по меньшей

<sup>1</sup> «La Justice», 13 мая 1871 (ст. «Rossel»)

<sup>2</sup> Lefrançais. «Souvenirs d'un révolutionnaire», p. 520.—Ср. Lefrançais «Etude sur le mouvement communaliste à Paris», p. 286.

<sup>3</sup> Л. Мишель. «Коммуна», стр. 130 (по рус. изд. 1926 г.).

<sup>4</sup> Лиссагарэ «История Парижской Коммуны», стр. 293.

<sup>5</sup> Da Costa. «La Commune vécue», II, 174 (Да Коста был одним из активных участников организованного группой ближайших учеников Бланки заговора против «парламентарной» Коммуны, в который вовлечен был и Россель).

<sup>6</sup> Malon. «La Troisième défaite du prolétariat français», p. 312

<sup>7</sup> Л. Мишель. «Коммуна», стр. 131.

<sup>8</sup> H Rochefort. «Les Aventures de ma vie», III, 65

мере затянулась бы»,—утверждает Да Коста<sup>1</sup>. Современник и—до некоторой степени—участник Коммуны П. Лавров решительно заявляет, что, на-ряду с Домбровским, единственным генералом, стоящим этого имени, был у Коммуны Россель<sup>2</sup>. Один только реакционный биограф Росселя Gerspach, вопреки мнению самих коммунаров и версальцев, решается утверждать, что «присутствие Росселя в рядах инсургентов не придало никакой новой силы восстанию, а уход его не вызвал никакого ослабления»<sup>3</sup>.

Из новейших историков Коммуны социалист Ж. Буржен отдаст должное энергии, проявленной Росселем в качестве военного делегата<sup>4</sup>. Социалист Л. Дюбрейль,—соглашаясь с Арну, Лиссагарэ и др. в том, что Россель «был солдат и только солдат, в узком значении этого слова, весь пропитанный предрассудками своей профессии и касты»,—признает, что он, «во всяком случае, представлял собою известную ценность». «Не подлежит сомнению, что, получив власть месяцем раньше, он систематически и активно вооружил бы Коммуну, если и не для победоносного наступления, то, по крайней мере, для долгой обороны, которая могла бы, может быть, утомить нападающего»<sup>5</sup>. Марксистский историк Коммуны Н. Лукин приходит к заключению, что как Кюзере, так и Россель «оказались непригодными к ответственной роли военного министра Коммуны, организатора и руководителя ее боевых сил»; вместе с тем, он справедливо подчеркивает, что военная беда Коммуны заключалась не столько в том, что у нее «не нашлось военного гения, талантливого руководителя»<sup>6</sup> (как думает Арну<sup>7</sup>, сколько в общей незрелости парижского пролетариата 1871 года и кратковременности его господства, наложивших свой роковой отпечаток на все без исключения стороны деятельности Коммуны и помешавших последней в кратчайший срок научиться владеть «инструментом войны»—изжить «комитетчину»<sup>8</sup> и перестроить свою «красную гвардию» в настоящую «красную армию».

В заключение попытаемся определить место Росселя в политической и военной истории революции 1871 года. Определяется оно, во-первых, тем, что с именем этого кадрового офицера теснейшим образом связано военно-патриотическое течение, столь сильное у начальных истоков Коммуны, но по необходимости оставленное нами здесь без надте-

<sup>1</sup> Da Costa. «La Commune vécue», II, 190.

<sup>2</sup> «Письма П. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер из Парижа»: «Голос Минувшего», 1916, № 7—8, стр. 134 (письмо от 22/X—1871).

<sup>3</sup> Gerspach. «Le colonel Rossel», p. 190.

<sup>4</sup> Bourgin. «Histoire de la Commune», (Paris s. a.), p. 145.—Точка зрения E d. Lepelletier в первых трех томах его труда не выявлена. Талес как-то оставляет в стороне этот вопрос, разделяя в общем взгляд Лиссагарэ на Росселя.

<sup>5</sup> Дюбрейль. «Коммуна 1871 г.», стр. 201.

<sup>6</sup> Н. Лукин. «Из истории революционных армий» (Гиз, 1923 г.), стр. 303, 313—314.

<sup>7</sup> А. Арну. «Народная история Парижской Коммуны», стр. 182.

<sup>8</sup> Комитетчина имела одно время свой *raison d'être*, но лишь до 18 марта, пока шла борьба за национальную гвардию между старой властью и зарождавшейся в недрах Парижа новой революционной властью. С переходом власти в руки пролетариата она превращается в сильнейшую помеху для дела организации обороны революции.



жащего рассмотрения<sup>1</sup>. Определяется оно далее тем, что, как мы установили, с именем Росселя сплетается сложная фракционная борьба в совете Коммуны, ее органах и прессе, расколовшая революционно-пролетарский Париж на несколько отличных по своей тактической платформе групп, сплетается, в частности, попытка группы бланкистов путем своеобразной революции (вернее—путча) слева устранить «парламентарную» Коммуну, заменив ее диктатурой «вечного узника» или его «партии», диктатурой, призванной оздоровить оборону и спасти революцию. Наконец, историю военной организации Коммуны Россель войдет не только как крупный военный специалист, принимавший с 22 марта по 9 мая самое активное участие в руководстве обороной Парижа, не только как едва ли не самый энергичный и самый способный из ее военных министров (точнее— делегатов), но и как человек, который, как мы видели, довольно открыто поставил вопрос о военной диктатуре (для себя) и связал свое имя с интенсивной борьбой за дисциплинированную армию и централизованный аппарат— против анархии, партикуляризма, комитетчины.

<sup>1</sup> См. А. Молок. «Россель и военно-патриотическое течение в Парижской Коммуне 1871 г.». «Труды Ленинград. педагог. института им. Герцена» 1928 г., № 1.

#### **Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна вспоминания, документы, исследования, публицистика:**

Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара  
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году  
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца  
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года  
А.Арну. Народная история Парижской Коммуны  
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны  
А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году  
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели  
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны  
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира  
Парижская Коммуна 1871 г. / под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда,  
А.И.Молока, Ф.В.Потемкина  
И.Книжник-Ветров. Русские деятели 1-го Интернационала и Парижской коммуны  
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г.  
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции  
Письма рабкорров Парижской коммуны  
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна  
О.Вайнштейн. История Парижской коммуны  
М.Шури. Париж был предан: истоки парижской коммуны  
М.Шури. Коммуна в сердце Парижа  
С.Б.Кан. Правительство Тьера и подготовка революции 18 марта 1871 года

Эти и другие материалы можно скачать здесь:  
[http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio\\_1.htm#commune](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune)  
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>  
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>  
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>  
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>  
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>  
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>  
[http://community.livejournal.com/znanie\\_vlast/](http://community.livejournal.com/znanie_vlast/)  
<http://politazbuka.ru/>